

**НОВЫЕ
Герои**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ**

АЛЕКСАНДР БЕЛИКОВ

ХРОНИКИ ЗАПОВЕДНОГО ЛЕСА

Книга первая. ВАСИЛИСА

Александр Беликов
Василиса
Серия «Хроники
Заповедного леса», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397749
Беликов, Александр Алексеевич. Хроники Заповедного леса. Книга
первая. Василиса: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-88427-8

Аннотация

На Сашу, молодого сотрудника аналитического отдела крупной фирмы, словно порчу навели. С невестой он расстался, она потребовала переписать на нее все движимое и недвижимое имущество, с новым директором не ужился, с друзьями поссорился. Хоть в омут с головой ныряй! Но вместо этого Саша нырнул... в Заповедный лес, где живет самая настоящая Баба Яга, водятся колдуны и прочая нечисть. В общем, не соскучишься. Саша и не думает скучать, ему в Заповедном лесу интереснее, чем в офисе. Тем более что имеется у Бабы Яги правнучка Василиса, волшебница, глава колдовского клана и просто красавица. И жили они долго и счастливо... Черта с два! Кощею Бессмертному и его банде чужое счастье поперек костлявого горла, а потому над

Заповедным лесом и Лукоморьем нависла опасность войны, о которой ни в сказке сказать, ни пером описать...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	36
Глава 3	57
Глава 4	83
Глава 5	108
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Александр Беликов
Хроники Заповедного леса.
Книга первая. Василиса

© Беликов А., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

– А так вот и врать! Сам говорил, что цыкать не будешь... – Она замолчала и скрылась за дверью.

«Что это она? – подумал я. – Странная какая-то бабка... Может быть, она вешалку заметила?» Было слышно, как она скрипит пружинами, ворочаясь на кровати и недовольно ворча. Потом она запела негромко на какой-то варварский мотив: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мясца поевши...»

Аркадий и Борис Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу»

Удобная вещь – домашний радиотелефон: ходи по квартире, разговаривай и занимайся одновременно своими делами – очень практично! Но стоит случайно с вечера забыть эту подлую трубку где-нибудь на кухне или на балконе, как она тут же проявит все свое коварство и непременно начнет трезвонить ни свет ни заря, вытаскивая хозяина из теплой кровати, заставляя выуживать негодяйку из самых неожиданных мест. Именно такое недоразумение и случилось со мной в то летнее субботнее утро: трубка меня разбудила, а затем обнаружилась в ванной комнате, в корзине с грязным бельем! И кто умудрился ее туда засунуть – явно не я, в квартиру никто посторонний не заходил, вот так и начнешь верить в барабашек, домовых и полтергейст! Стоило мне на-

жать зеленую кнопку, как на всю квартиру раздался гневный Славкин голос – неведомые проказники не только спрятали телефон, но и перевели его в режим громкой связи!

– Сашка, ты где, кабан? До отхода поезда двадцать минут! Дуй пулей на вокзал!

Я уже собирался разразиться гневной тирадой, что звонить в шесть утра на домашний телефон и спрашивать, где я нахожусь, – верх идиотизма, естественно, дома, а где же еще? Но вдруг у меня все внутри похолодело – ведь именно сегодня утром мы со Славкой, Мишкой и Чупой собирались встречаться на вокзале, садиться на поезд и ехать, именно так мы и планировали начать наш поход в горы! Трубка еще что-то кричала про то, что на сотовый не пробьешься, а к домашнему некоторые кабаны не соизволят подходить и дома их не застанешь, а я все стоял в ступоре и не мог понять: что же случилось? И вообще, как можно забыть про мероприятие, о котором до этого полгода мечтал? И ладно бы проспал, так нет же – вообще забыл: не собрал вещи, не написал заявление на отпуск и даже никого не предупредил, что уезжаю! У меня такое в голове никак не укладывалось, а еще меня злили хоть и справедливые, но обидные Славкины слова, которые он выливал на мою голову. Чувство вины и сознание того, что я всех подставил, почему-то взбесило, никогда за собой наклонностей скандалиста не замечал, а тут вдруг выдал:

– Славик, а ты понимаешь, что я, в отличие от некоторых

бездельников, работаю на очень важной должности в солидной фирме, и у меня вчера, а вернее, уже сегодня, только в два часа ночи закончилось совещание. Поэтому нечего на меня тут орать, как на пятилетнего мальчика, а деньги, которые вы потратили на билеты и все прочее, – я верну!

Славка от такого напора даже в голосе сменился:

– Сашка, это точно ты? Может, я не туда попал? – Не дождавшись ответа, он осторожно продолжил: – Мы же договаривались – пойдем в связке двойками, ты бы хоть предупредил заранее, а то Чупа в последний момент куда-то срулил, ты не отзываешься, а теперь что, нам с Мишкой вдвоем идти? Стремно для такой категории.

Я уже закрывал себе рот рукой, чтобы не наговорить еще гадостей, но опять не удержался:

– Подумаешь, проблема, что за детский сад? Присоединитесь к какой-нибудь группе, по этому маршруту народа в сезон полно ходит.

– Знаешь, не ожидал я от тебя такого, – возмутился Славка. – Ладно, счастливо тебе поработать.

Да... и я от себя такого цинизма тоже не ожидал. Трубка отозвалась короткими гудками отбоя, а меня всего залило краской стыда. Чтобы хоть как-то выпустить пар, я схватил гантели и с остервенением начал делать утреннюю гимнастику. Постепенно беспричинный гнев улегся, и появилась возможность рассуждать более спокойно: как же я докатился до такой жизни? Сказались усталость и нервотрепка на

работе, роковое стечение обстоятельств, а может, просто начался неудачный отрезок в моей судьбе? А с чего все началось? Если припомнить, то все беды посыпались после того, как я расстался с Марьяной. Вообще-то ее звали Мирабель, но она почему-то всегда требовала, чтобы к ней обращались именно так – на восточный манер. Мы с ней почти год прожили вместе, так все хорошо начиналось, я уже и воспринимал ее почти как жену, а не просто девушку, но три месяца назад разругались непонятно почему – из-за небольших разногласий. Потом начались неприятности на работе, вроде бы и мелкие, но очень обидные. Поначалу я списывал все напасти на то, что у нас сменился генеральный, но не все же зависит от одного человека, будь он даже трижды директором? И еще, за эти три месяца я умудрился разругаться со всеми приятелями: неделю назад поссорился с ребятами со старой работы, а сегодня ни за что ни про что нахамил друзьям-альпинистам. Может, такое состояние и называется «кризис среднего возраста»? Я с остервенением размахивал десятикилограммовыми гантелями и недоумевал: почему я, здоровый тренированный мужик тридцати четырех лет от роду, решающий на работе сложнейшие задачи, не могу разобраться с собственной жизнью? Со мной явно творилось что-то неладное, но вот что конкретно – я решительно не понимал! Физические упражнения помогли успокоиться, но решения проблемы не принесли, я отложил гантели и пошел под контрастный душ: утренняя зарядка и водные процеду-

ры – это правило мной не нарушалось уже много лет подряд. Стоя попеременно под горячими и ледяными струями, вдруг понял, что надо просто выйти из дома, и все неурядицы решатся сами собой, ведь главное – не поиск корня зла, а действие: достаточно пойти вперед, и решение найдется! Столь странная мысль почему-то тогда не вызвала у меня никаких сомнений, поэтому, наскоро одевшись, я выскочил во двор и пошел куда глаза глядят.

На улице стояло лето, погода радовала теплом и солнышком, и настроение у меня улучшалось с каждым шагом. Довольно долго проплутав по улицам, понял, что заблудился – началась незнакомая часть города; не обращая ни на что внимания, я упорно продолжал идти дальше: уж гулять так гулять. Вошел в какой-то густо заросший зеленью двор, пошел напрямую между деревьями и не успел заметить, как город закончился. То, что начался лес, я даже не понял, а ощутил: сложно с чем-либо перепутать запах прогретой на солнце лесной опушки! От сознания того, что выбрался из каменных джунглей, такая лихость поначалу обуюла: а что мне, кабану, все по городу да по улицам ходить, вот возьму и пойду через лес – там тропинки куда-нибудь и приведут!

Но чем гуще становилась чаща, тем сильнее у меня возникало ощущение, что все непонятное и неладное, что в последнее время творилось внутри меня, перешло в какую-то обостренную фазу. Даже мысли стали двигаться как-то бо-

лезненно и неправильно, казалось, что одна часть мозга упорно хочет идти вперед, а вторая из всех сил сопротивляется. Причем оба полушария никакой аргументации по поводу своих желаний не высказывали, а просто молча тянули – каждое в свою сторону, от чего мои движения стали походить на судороги, вдобавок начало мерещиться, что голова пытается развалиться ровно на две части! Я схватился руками за виски и сказал сам себе: «Все, хватит, надо прекращать думать, а то такого тут нафантазирую, что потом обратно раскрутить никакая медицина не сможет!» Наверное, так с ума и сходят: думают о всякой белиберде, вот она постепенно голову и заполняет, а как переполнит – короткое замыкание в мозгу случается! И уже в голове одна только эта ерунда и остается, как говорят в народе: «Ку-ку случилось», а если не мозговая болезнь, так обязательно болячка какой-нибудь другой орган себе найдет! Почему у меня последнее время желудок болит, гастрит мучает? Только из-за нервов, из-за переживаний, и еще потому, что про всякую белиберду часто думаю. Хорошо в этом отношении дуракам: они ни о чем не задумываются, ни о чем не переживают и ничем не болеют, и мне так надо поступать – меньше волноваться и беспокоиться обо всем подряд, попробовать себя загипнотизировать, что ли?

Заставил себя замедлить шаг и силой внушения сделал установку: ни о чем не думать, не тревожиться и сохранять спокойствие; показывали же у нас по телевизору психотера-

певтов, которые всей стране навевали разные мысли про исцеление, а все им верили. Вот и я решил сам себе внушить: что нам, кабанам, стоит – возьму и закажу, чтобы у меня в голове все выздоровело! Минут пять я добросовестно исполнял установку, как вдруг заметил, что вслух произношу одно, а сам думаю совершенно другое: интересно, а почему если дурак, то обязательно круглый? И почему, например, квадратных дураков в природе не встречается? Остановился и почесал затылок: да, психотерапевт из меня никудышный, надо попробовать что-нибудь еще околomedicalское. О! Вспомнил! У индусов есть такая штукавина: мантра называется, мне про нее на секции йоги рассказывали. Если долго повторять какое-нибудь звуко сочетание, то мозги прочищаются напрочь! Такой абсолютно чистый и белый череп изнутри получается: ни тебе мозгов, ни мыслей – одна мантра в голове и ничего лишнего, следовательно, раз нет мозгов, то нет никаких волнений и переживаний, что и требовалось доказать. Жаль только, что я не помню, какие там звуки, ладно, сейчас, что нам, кабанам, стоит мантру придумать? Вот ведь привязалась ко мне эта дурацкая присказка! Ничего, когда черепушка прочистится, то полегчает, и поговорочки дурацкие тоже забудутся, где же они храниться смогут, если мозги исчезнут? Чтобы быстрее думалось, я стал усиленно тереть лоб... О! Готово! Мантрой станет звуко сочетание «Мееее». И неважно, что похоже на бляение овцы, здесь лес и всем все по барабану! Итак, прочистка мозгов, часть первая: «Мееее,

Мееее, Мееее, Мееее...» Полчаса я добросовестно шел, наполняя лес дивными звуками живой природы, а потом опять резко остановился: нет, не помогает! Вместо отключения сознания почему-то все время думалось: а водятся ли в этом лесу волки и насколько они голодные, и еще мерещилось, что они меня обязательно зажарят и съедят! Бред какой-то! Волки едят все сырым и ничего не жарят, кто же им спички доверит, если у них даже карманов нет?

Перестав блять, я вдруг услышал, что кто-то в лесу совсем недалеко от меня поет, удивился и пошел в ту сторону. Звук усиливался, пела явно женщина: негромко, чисто и задумчиво, вот только тембр ее голоса звучал как-то странно и резковато, но художественного значения это не умаляло, а, наоборот, придавало своеобразие.

А я была молодая,
Свой гордый стан не скрывая,
Шла, ветру грудь подставляя,
Теперь я стала другая.

А я была молодая
И, в косу ленту вплетая,
По жизни шла припевая,
Теперь же Баба-яга я.

А я была молодая,
Сама того я не зная,

А я ушла, так страдая,
Ну а пришла в никуда я.

На третьем куплете я понял, что песня хоть и задушевная, но явно бесконечная, поэтому перестал прислушиваться и бодро вышел из-за кустов. На поваленном дереве сидела древняя сгорбленная старуха, опираясь на метлу, – вылитая Баба-яга! Дождавшись конца куплета, я на ходу заговорил:

– Добрейший денечек! Вот шел и думал: куда же меня занесло и как эти края называются? А теперь знаю, что здесь местечко под названием «Никудайя», как романтично, не правда ли?

Бабулька пристально посмотрела на меня:

– Неправда. Боле того: чисто вранье! Ты как, всегда по жизни такой дурак аль только полудурок, а дурнем прикидываешься?

От таких слов я растерялся и ответил что-то несусветное:

– Это смотря с какой стороны рассматривать диалектические противоположности целого и половинного.

– Понятно, полудурок с интеллигентскими заморочками, – вздохнула бабуля. – И почему мне попадаютсся одни чокнутые интеллигенты? Хоть бы один военный заглянул!

Надо же, подумал я, оказывается, кроме круглых, существуют еще дураки полные и половинные, но свои размышления вслух излагать не стал, а мягко возразил:

– Зря вы так все упрощаете, у меня очень высокий ай-кью!

– Оно и видно: ку-ку у табе выше некуда! Ладно, проехали, двигаемси дальше. Как звать-величать тебя, добрый молодец?

Столь резкий переход на древнерусский диалект меня не на шутку огорошил:

– Саша, то есть Александр.

– Ладно, следуем далеча, по регламенту. Дело пытаешь аль от дела убегаешь?

– Никуда я не убегаю, просто иду, гуляю по лесу, размышляю.

– Слышала, как ты тута вокруг моей избушки круги нарезал.

– Как это, вроде шел прямо, значит, я совсем недалеко от города ушел?

– Это, милок, смотря с какой стороны рассматривать диалектические противоположности далекого и близкого.

У меня от удивления аж в животе похолодело: бабулька срезала меня моим же оружием наповал, в самую точку – я бы ей палец в рот не положил. А она, словно прочитав мои мысли, ответила:

– И не советую – откушу! Напрочь! Еще раз спрашиваю: дело пытаешь аль от дела убегаешь?

Моя голова продолжала выдавать фокусы, пытаюсь разделить на две половинки, встреча со столь необычной собеседницей только добавила сумбура, поэтому рот открылся сам собой и оттуда полилась сущая околесица:

– Да понимаете ли, мне на самом деле нужна прочистка мозгов, а то всякие мысли, волнения, переживания, они очень плохо сказываются на пищеварительном тракте. А у меня здоровье пошатнулось, желудок пошаливает, да и вообще, что-то со мной в последнее время нехорошее происходит, а что – понять не могу.

– Все-таки дело пытаешь. А кто тебе надоумил, что надобно вокруг избушки обойти и козлом блеять, чтобы не быть съеденным?

Я потупился и покраснел: надо же так опозориться – решил, что лес пустой и никто моих художеств не услышит. И как я про козла не подумал, что он так же блеет?

– Это мантра...

– Ну и имечко! Угрозило же родителей забубенить! Явно не по святкам выбирали. Как вернешься, поклонись Мантре в ножки. Кабы не она, попал бы ты у mine на лопату и в печь! Ладно, раз нашел дорогу ко мне, значит, я тебе помогу. Пойдем, как говорят сейчас, делать перезагрузку мозгов.

Не знаю, почему тогда меня совершенно не смутили ее слова и как я сразу и безоговорочно поверил, что она сможет мне помочь и не сделает ничего плохого? Наверное, все-таки проснулась интуиция и подсказала, что передо мной очень хороший человек, несмотря на напускную грубость и ефрейторские шуточки. Я пошел по тропинке следом за Бабой-ягой, а по пути продолжал расспрашивать:

– А что, есть какие-то еще способы избежать печи, кроме

мантры?

– Ишь какой шустрый! Так я тебе и сказала! И так слиш-
ком много лишнего просачивается через сказки, книжки и
фильмы ваши.

– Извините, а вы, что, получается, действительно настоя-
щая Баба-яга?

– Она самая. Давай уж, иди, дотошный какой попалси!

– А куда идти-то?

– Да нешто не видишь?

Я присмотрелся и увидел стоящую посреди поляны ма-
ленькую избушку из черных бревен с кирпичной трубой и
соломенной крышей на двух толстенных деревянных сваях,
покрытых резьбой а-ля куриные ножки. Перед входной две-
рю имелась высокая мини-веранда с перилами и деревян-
ной лестницей. Александр Роу, создатель чудесных киноска-
зок, наверняка здесь гостил, и не раз, – настолько все похо-
дило на кинодекорацию из моих любимых детских фильмов.
Бабуля опять словно прочитала мои мысли и буркнула:

– Однажды только и побывал, а я сдуру разоткровеннича-
лась. Кто ж знал, что он мои секреты в кино покажет?

Внутри избушка оказалась довольно чистой и уютной, да
и сама Баба-яга выглядела гораздо симпатичнее своего ки-
нематографического образа: одетая в опрятный сарафан, бе-
лую кофточку, платочек и настоящие лапти, она больше по-
ходила на крестьянку с полотен художников-передвижни-

ков, чем на Бабу-ягу.

– Да уж, ославили меня на весь мир как бомжиху последнюю! А ведь все Милляр, он виноват, костлявенький! Дали ему нормальный костюм, так он весь его в ключья порвал.

Я уже начал привыкать, что Баба-яга отвечает на неозвученные вопросы, и перестал удивляться. А вот почему Милляр костлявенький, даже подумать побоялся. Войдя в избушку, Яга позвала:

– Василиса, выходи! Добрый молодец пришел, дело пытается.

Из-за печки бесшумно вышла девушка, и только я стал поворачивать голову, чтобы поздороваться, как сердце ухнуло, остановилось и начало биться в два раза чаще! Передо мной стояла самая что ни на есть волшебная красавица – с русой косой до пояса, в кокошнике и длинном льняном сарафане. Необычный наряд меня тоже удивил, но больше всего поразили ее огромные серо-зеленые глаза, темные брови и правильные черты лица. Уж никак не ожидал в глухом лесу, в избушке на курьих ножках, встретить такое чудо, поэтому только и смог выдохнуть:

– Василиса Прекрасная? Ваша дочка?

Девушка опустила глаза в пол и промолчала, а Яга хмыкнула:

– Правнучка, – и уже обращаясь к Василисе добавила: – Неча тут глазки строить, надо мастерство перенимать! Работать то есть будем! Где она у меня тут завалилась?

Яга заглянула на полку, открыла одну шкатулку, другую, но, ничего не найдя, скрылась в чулане за печкой, продолжая чем-то греметь, а я остался наедине со сказочной Василисой. Пауза затягивалась, и, чтобы сказать хоть что-то, произнес:

– Меня Саша зовут. А вы тоже тут, в избушке живете?

– Нет, я здесь только детство провела, а как в школу пошла – с тех пор в городе, хотя и сюда приезжаю довольно часто.

– Значит, вы к бабушке погостить приехали?

– К бабе Вере – нет, не в гости, а перенимать мастерство.

– Как, а мне она представилась Бабой-ягой. И какое мастерство? Вы, наверное, меня тут разыгрываете? А то мне что-то с трудом верится во все происходящее. И лес тут какой-то странный: идешь прямо, а получается, что кругами. Да и избушка откуда-то сама появилась, хотя раньше я ее не видел.

– Какие уж розыгрыши? Лес действительно волшебный, Заповедный – не каждый сюда попасть может. И тропинки тоже не простые, а с секретом. Баба Вера – имя, а Яга – должность – хранитель и страж Заповедного леса. Вот приму пост и стану Ягой, а баба Вера на отдых пойдет.

У меня от таких слов аж дыхание остановилось:

– Как? Вы, такая юная и прекрасная, собираетесь стать Бабой-ягой?

– Во-первых, не бабой, а просто Ягой, во-вторых, в Заповедном лесу есть возможность выглядеть моложе, а так-то мне тридцать пять – самое время для посвящения в храни-

тели, а в-третьих, выбирать не приходится: я одна из всех родственников осталась, а должность Яги только по наследству, по женской линии и может передаваться.

– То есть дедов-ягунов не бывает?

Василиса рассмеялась, и так легко, задорно, по-доброму, что у меня словно гормон счастья в крови образовался. Я смотрел на эту сказочную девушку и диву давался: какая же она восхитительная! Красивая, прекрасно сложенная, спокойная, гордая и немножко насмешливая. Наверное, у каждого мужчины имеется свой идеал женской красоты, вот и у меня с самого детства где-то в голове сидел такой, описать его словами я бы не взялся, разве что нарисовать. В детстве я одно время увлекался живописью, неплохо лепил из пластилина, а уже будучи взрослым, в минуты беспробудной тоски рисовал именно это лицо – портрет «самой красивой женщины на всем белом свете». Но сейчас и рисовать ничего не требовалось – стоило только открыть глаза и любоваться: вот он, мой идеал красоты и совершенства, стоит прямо передо мной, насмешливо щурится и едва заметно улыбается. Встретил бы я Василису в другое время, обязательно сказал ей, насколько она меня восхитила. Но тут, в избушке, при столь странных обстоятельствах, рядом с Бабой-ягой, я постеснялся и ничего не сказал ей о своих чувствах – только подумал. Ведь пригласить ее на свидание или спросить номер телефона здесь все равно не получится, а если честно сказать, то, кроме проблем с головой, на меня то-

гда ступор напал, есть у меня такой недостаток – в самые важные моменты застывать столбом. А еще не давали покоя слова Василисы о том, что она собирается стать Ягой, данный поступок представлялся мне каким-то неестественным, неправильным и несправедливым. Как можно в расцвете сил добровольно отречься от цивилизации, заживо заточить себя в избушке на курьих ножках вместо того, чтобы жить полноценной жизнью: заниматься любимым делом, влюбляться, выходить замуж, рожать детей, ходить в гости, в кино и театры, в магазины, в конце концов?

– А обязательно кто-то должен место Яги занимать? Подумаешь, станет пустовать вакансия – не велика важность.

Мне на мгновение показалось, что Василиса немного расстроилась, может, она ожидала от меня других слов или просто не хотела обсуждать эту тему?

– К сожалению, обязательно. Без хранителя Заповедный лес погибнет, или его тут же другие себе прикарманят!

– Но ведь существует право собственности, регистрационная палата, БТИ, суд, милиция, наконец.

Василиса рассмеялась:

– А ты видел где-нибудь на карте наш Заповедный лес? Нет? Правильно, и ни в одном БТИ он тоже не числится, да и пройти сюда не так просто. Многие могущественные колдуны пытались – только ни с чем ушли.

– А повременить с этим постом Яги никак нельзя? Исполняла бы баба Вера и дальше свои обязанности, у нее очень

хорошо получается, как я посмотрю.

– Да мы уж и так больше ста лет с этим тянем, баба Вера – она же мне прапрабабушка, и сменить ее обещали еще в начале двадцатого века, но тут первая мировая, потом революция...

Дверь чулана распахнулась, и появилась Баба-яга – вся в пыли и паутине, но довольная. В руке она держала небольшую коробочку из светло-серой пластмассы: с одной стороны – красная кнопка Reboot, а с другой – большая резиновая присоска. Более странного устройства я никогда в жизни не встречал.

– Вот она, родимая, новейшие ведьмовские технологии!

Яга плюнула на присоску и с громким звуком «Чпок» приклеила коробочку на мой лоб. Глаза у меня собрались в кучку и уставились на сие чудо импортной ведьмовской техники.

– Васька, что стоишь, нажимай!

Василиса неслышно скользнула ко мне и нажала пальчиком на кнопку. От прикосновения у меня в голове все помутилось, изображение собралось в точку и погасло, совсем как у Арнольда во втором «Терминаторе», а я весь куда-то поплыл. Через пару секунд сознание услужливо отключилось, и наступил полный провал в памяти.

Очнулся я в бане лежащим лицом вниз на деревянной лавке. Рядом стояла Яга, закутанная в простыню, она окуна-

ла маленький веничек в деревянную шайку с каким-то душистым отваром трав, брызгала на меня и бормотала что-то неразборчивое себе под нос. И тут я вдруг осознал, что лежу перед Бабой-ягой совершенно без одежды, хоть и лицом вниз, но все равно – голый! У меня еще с детского сада существовал ужасный комплекс стыдливости: больше всего на свете я боялся оказаться перед незнакомыми людьми в обнаженном виде. Мне половину детства кошмары снились: будто стою среди толпы в одной майке, но она короткая и ничего не прикрывает! Я попытался подтянуть к себе простыню, чтобы хоть как-то прикрыть срам, но Яга заметила мои движения и легонько ударила веничком по затылку:

– Лежи смирно, не мешай работать!

От легкого шлепка и слов, произнесенных странным скрипучим тембром, моя стыдливость куда-то ретировалась, а себе я подумал: а ведь действительно, нашел кого стесняться – старушку, которую еще до революции хотели отправить на пенсию, да вот почему-то не успели. Мысли пришли в порядок, я успокоился и минут двадцать лежал, получая наслаждение от банной процедуры, но когда стало скучновато, начал осматриваться по сторонам. Мы находились уже не в избушке, а в довольно просторной классической русской бане с каменкой, деревянными лавками и дубовыми кадками. Скосив взгляд на Ягу, подумал: и не скажешь, что она старая – вот в таком виде, закутанная в простыню, – прекрасно смотрится, ей больше сорока пяти лет и не дашь! А фигура у

нее очень даже ладная, подтянутая, без целлюлита и прочих жировых излишеств. И почему она мне в лесу такой старой и древней показалась?

– Даже думать об этом не моги! – прервала мои размышления Яга.

– А я что? Ни о чем таком еще и не подумал!

– Вот я сразу тебе и предупреждаю, потому как когда подумаешь – поздно будет!

– А что тут такого? Мало ли кто о чем думает?

– Слышал, что мысль материальна? Стоит только раз подумать, как твой входной билет тут же и закончится. А дале разговор короткий: на лопату и в печь!

После таких слов заставить себя не думать о Яге в эротическом плане стало еще сложнее. Насколько проще пришлось главному герою в «Понедельнике», который начинался в субботу, там на его долю выпало более простое испытание: не цыкать зубом, кстати сказать, он и от этого не удержался – цыкнул-таки! А тут поди ж ты, не думай, когда она вот рядом, почти голая, и под простыней наверняка ничего нет! Мне захотелось зарычать от злости на себя, я закрыл глаза, стиснул зубы, но мысль опять вернулась на старую колею: а фигура у нее какая изумительная – хоть скульптуру лепи и в музей выставляй – такие правильные пропорции и изгибы. Так, стоп, я опять приближаюсь к лопате! Надо срочно подумать о чем-то другом, нейтральном. Вот, нашел, чем самому едой становиться, лучше подумаю о какой-ни-

будь вкуснятине! Значит, так, чем там раньше питались? Ага, вспомнил, у Пушкина есть такие строки: «Стоит бык печеный, возле него чеснок толченый». Целого быка, пожалуй, многовато, а вот горячую, только что запеченную бычью лопатку с чесноком и солью я бы съел с удовольствием! У меня перед глазами мысленно возник весь процесс, как отрезаю ножом большие куски печеного мяса, солю, макаю в чеснок, кладу в рот и медленно пережевываю. И ем много – сколько влезет, не торопясь, без какого-либо гарнира, а потом запиваю прохладным квасом из большого глиняного кувшина. Я так увлекся этими размышлениями, что не заметил, как стал цыкать зубом, представляя застрявшие мясные волокна. Яга услышала, вздрогнула и выронила веничек:

– Опять утечка информации! Да что ж делать-то? Совершенно невозможно становится работать! Васька, гость трапезничать желают, неси угощения! – и, уже обращаясь ко мне, добавила: – И о ней, касатик, тоже думать не моги! Сам понимаешь, о чем говорю!

Посмотрев на вошедшую Василису, я понял, ох как понял, на что мне намекала Яга! Юная ученица оказалась закутанной в тончайшую полупрозрачную простыню, но это только подчеркивало ее стройность и молодость. У меня от такой красоты все внутри аж похолодело: на лопату и в печь! Жар углей прямо-таки заскользил по моей спине и опалил кожу, Яга как-то нехорошо засмеялась и тоже цыкнула зубом. Я с трудом заставил себя отвести взгляд от Василисы в сторону

и только тут заметил, что в руке она держала поднос с огромным куском горячего запеченного мяса, там же стояли миска с толченым чесноком, солонка и большой глиняный кувшин – наверняка с квасом. Ладно, предположим, мысли мои она тоже прочитала – все-таки ученица Яги, а вот когда приготовить успела? Чудеса, да и только! Держала она поднос легко и изящно – на кончиках пальцев, а весил он вместе с едой килограммов семнадцать, не меньше, а пальчики такие тонкие, длинные, ровные и красивые, и кожа у нее нежная, просто бархатистая! Так, стоп, опять сказал я сам себе, об этом не думать! Только о еде, о подносе и его содержимом, а остального не существует – только мое воображение и фантазии! Василиса поставила поднос на стол и сказала с поклоном:

– Извольте отпотчевать, гость дорогой.

Не зная традиционной формы ответа, я смутился и пробормотал:

– Благодарствуйте, хозяйюшки дорогие.

Неловко закутавшись в простыню, уселся за стол, еще раз мысленно повторил сам себе: никуда не смотреть, ничем не заморачиваться и думать только о еде, иначе зажарят уже меня! Надо же, еще вчера, если кто-нибудь сказал мне, что могу умереть в печи, то ни за что не поверил бы! Я медленно поднял с подноса огромную двузубую вилку и воткнул в дымящийся кусок мяса, взял здоровенный нож, больше похожий на кинжал, чем на столовый прибор, отрезал солидный ломоть, посолил, обмакнул в чеснок и отправил в рот. И тут

все мои рецепторы наполнились божественным вкусом – это оказалось не просто вкусно, а восхитительно, невероятно и нереально вкусно! Мясо сочное, мягкое, ровно запеченное, с вкуснейшей корочкой – такое только в русской печи и можно приготовить. Я ел, и мне все больше и больше «легчало», но все равно как заклинание повторял про себя фразу: «Сытое брюхо к эротике глухо», изредка добавляя: «Иначе на лопату и в печь!»

Осмелев, я налил в глиняную кружку кваса и сделал большой глоток, напиток тоже оказался замечательный: в меру сладкий, не перекисший, с легкими колючими пузырьками и с непередаваемым ароматом жареных ржанных сухариков. Подобный квас я только в детстве пил, у нашей тогдашней соседки тети Лизы, а больше такой вкуснятины нигде и не встречал: ни купить, ни самому приготовить. Рецепт-то я тогда не спросил, мне шесть лет всего исполнилось, когда мы переезжали со старой квартиры, какие уж тут рецепты в столь юном возрасте? После седьмого куска мяса и третьей кружки кваса я ощутил насыщение и «раздобрел»:

– Ой, хозяйюшки дорогие, вкуснее этого ничего в жизни не ел, а что вы стоите? Садитесь рядом, поедим вместе.

Василиса потупила глаза:

– Нам с гостем за стол никак нельзя садиться.

Яга, неотрывно глядя на уменьшившийся кусок мяса, печально поддакнула:

– Да, никак нельзя, даже если потом сами без обеда оста-

немся.

Я понял намек и сказал:

– Спасибо за ваше угощение! Так вкусно, что просто непередаваемо!

Василиса поклонилась и произнесла:

– Рады служить, гость дорогой!

Боковым зрением я увидел, как Яга машет Василисе рукой, и означать этот жест мог только одно: убирай быстрее, пока он не передумал! Василиса вынесла из бани полегчавший поднос с едой, а Яга подошла ко мне.

– Вот, голубь, мы тебе в бане помыли, накормили и напоили. Таперича пора и спать ложиться.

– Как спать, а...

Не дав договорить, Яга нажала кнопку Reboot, и снова первым отключилось зрение. Последней мыслью промелькнуло: надо же, я-то думал, что кнопка у меня со лба давно отклеилась, а она...

Мне снилось, что Василиса стоит на моем балконе, а Яга висит в ступе рядом и передает меня, спящего, на руки юной ученице – почти как мешок с картошкой. Ступа же, как ей и положено в сказках, сама по себе парила в воздухе: ни реактивной струи, ни крыльев, ни винта – словно на веревке повешенная. Смотреть вверх на предмет наличия троса я не стал, а продолжил спать дальше, почти не вслушиваясь в разговор.

– Васька, ты же сама не верила в любовь с первого взгляда? Может, ну этого Сашку? Станешь Ягой – и будет тебе счастье?

Василиса на плече донесла меня до кровати, сгрузила и вернулась к балкону.

– Не верила и сейчас не верю. Давай посмотрим, что получится, какой смысл загадывать? Будем считать, что у нас любовь со второго взгляда.

– А вообще-то говорят, что у таких везунчиков наследственность хорошая. Я точно слышала: у волшебника и такого вот шатуна ребенок непременно гением родится!

– Бабуль, хватит сплетни пересказывать. Лети домой, за меня не волнуйся.

Кровать меня мягко окутывала, принимала в свои объятия, только и успела пронестись одна мысль в голове: «Надо же, какой сон, все почти как наяву: ступа, метла, Баба-яга и Василиса Прекрасная – настоящая сказка!»

Не знаю, сколько удалось проспать, но разбудил меня громкий звук «Чпок» – со лба отклеилась кнопка Reboot, я открыл глаза и обнаружил себя дома лежащим в одежде на неразобранной кровати. Рядом со мной сидела Василиса и держала в руках давешнюю серую коробочку с присоской.

– Ой! А ты как здесь оказалась? – только и смог промолвить я.

Василиса улыбнулась мне в ответ:

– Может, правильное спросить: а как ты оказался дома?

Я сел и взялся за виски, пытаюсь привести мысли в порядок. Хоть голова больше и не болела, пытаюсь развалиться на две части, но руки выполнили жест машинально.

– Мне снилось, что меня со ступы перегружают на балкон, но ведь такого не бывает? Или все-таки не привиделось, а случилось на самом деле?

– Не приснилось. Мы с бабой Верой нашу работу выполнили, теперь перед тобой у нас никаких обязательств нет, поэтому я могу поговорить с тобой нормально, без волшебных условностей и ограничений.

– Подожди, какую работу?

Василиса вздохнула, но мне показалось, что вопрос ее не удивил.

– Должность Яги накладывает определенные обязанности: если кто-нибудь сам сумеет добраться до Заповедного леса и попросит о помощи, то хранитель должен выполнить его просьбу. Ты нашел дорогу, попросил помочь, и мы с бабой Верой твою просьбу выполнили – всю в точности.

– Извини, наверное, я туплю, а какая у меня просьба была и про какую работу ты говоришь? Я когда попал в лес, то чувствовал, что со мной что-то не то творилось, значит, на мне висели какие-то сглазы или проклятия, так получается?

Василиса опять рассмеялась, и снова от ее жизнерадостного смеха у меня по телу разлилось ощущение счастья.

– Сглазы, проклятия – дилетантская терминология. Про-

тив тебя использовали очень плохое заклятие из разряда примитивной магии земли.

– А кто такое мог сотворить со мной?

– Свою бывшую девушку помнишь? Вот она и сделала.

– Как? За что она так?

– А помнишь, с чего у вас начались скандалы?

– Да, она начала требовать переписать квартиру на нее.

Но я ей тогда объяснил, что если мы вместе, то не важно, на чье имя записана квартира, и она меня поняла.

– Да, поняла, что добром ты ей квартиру не отдашь, и обратилась к темной магии. Вы ездили на могилу к ее бабушке, она собирала там землю?

– Да, ты и про это знаешь? – удивился я. – Она сказала, что взяла на память о бабушке. И что она потом с землей сделала?

– Рассыпала по всем укромным уголкам квартиры с соответствующим заклинанием. А я, как только сюда зашла, все первым делом и убрала.

– Колдовством?

– Нет, вот этими двумя волшебными предметами: веником и совком, взяла их у тебя напрокат на кухне.

Меня от ее шутки разбирал смех, но я старался сдерживаться и не рассмеяться.

– А откуда ты все узнала: и про могилу, и про землю?

– Просто увидела. Сложно объяснить, может, потом сам как-нибудь поймешь.

– Так, значит, эта моя бывшая девушка – волшебница? Или еще хуже – ведьма?

– Нет, она непосвященная, дилетант. Обычные люди очень часто, иногда сами того не подозревая, используют магию, чем подвергают и себя, и окружающих большой опасности, представь, что трехлетнему ребенку дали заряженный пистолет, чем может закончиться такой эксперимент?

– А откуда она узнала про методику с могильной землей?

– Заклятие? Да откуда угодно: из книг, фильмов, от знакомых. Как говорит баба Вера: «Везде утечка информации!»

Василиса сначала скопировала голос Яги, а затем заразительно рассмеялась. Я не удержался и тоже стал смеяться. Когда мы вдоволь нахохотались, Василиса посерьезнела и сказала:

– Ладно, пойду я – поздно уже.

От сознания того, что она может уйти и я ее больше никогда не увижу, у меня что-то защемило в груди.

– Не уходи, ладно? – Сердце у меня колотилось как бешеное, я боялся сморозить какую-нибудь глупость, произнести не те слова. – Я не хочу с тобой расставаться и боюсь тебя потерять. Вернее, я хочу всегда быть рядом с тобой, а то ты уйдешь, и я точно знаю, что больше уже никогда не найду дорогу в Заповедный лес.

Василиса опустила глаза и тихо спросила:

– Я ведь не простая женщина, а волшебница, практически ведьма. Жить рядом со мной совсем непросто. Почему ты

решил, что захочешь быть со мной?

— Потому что ты восхитительная! И как только тебя увидел, то сразу понял, что только тебя и ждал всю жизнь. И еще... я понял, что люблю тебя! — От последних слов кровь хлынула мне к лицу. — А то, что ты волшебница, — меня это не пугает, да и вообще — ничего не пугает, а только радует.

Осмелев, я дотронулся до ее нежных пальчиков, рука у нее оказалась теплая, мягкая, а кожа нежная и бархатистая, как я себе и представлял. Кто бы мог подумать, что она этой нежной ручкой совсем недавно держала тяжеленный поднос? Василиса смотрела на меня почти в упор, и в полумраке ее глаза казались темными и бездонными.

— Знаешь, я бы, может, в такое и не поверила, но ведь когда тебя в первый раз увидела — мое сердце екнуло и сказала, что любит этого смешного и растрепанного мальчишку.

Я потянулся к ней, и мои губы встретились с ее нежными, влажными губами.

Во сне я стал поворачиваться на другой бок и почувствовал, что рядом со мной в кровати кто-то лежит, причем, судя по округлости форм, не просто кто-то, а именно женщина. Осторожно приоткрыв один глаз, огляделся: я находился дома, в своей кровати под одеялом, а рядом со мной мирно спала Василиса. Она лежала прижавшись ко мне, раскидав по подушке распущенную русую косу, и улыбалась во сне. Почувствовав мой взгляд, она приоткрыла глаза, и только тут

я вспомнил угрозы Яги:

– Василисушка, а что же теперь меня ждет: лопата и печь?

– Нет, мой милый, – в ее голосе звучала сама нежность, – ждет тебя семейная жизнь с волшебницей, поэтому про лопату и печь можешь забыть. Хотя засматриваться на бабушку Веру я бы тебе не советовала.

– А как же передача опыта, смена поколений?

– Отказалась я от посвящения – хранитель должен быть одиноким. Вернее так, небольшие интрижки Яге не возбраняются, но влюбляться нельзя категорически – Заповедный лес измены не вынесет. Так что теперь со сменой хранителя придется подождать лет сорок. Родится когда-нибудь у нас с тобой девочка, достигнет тридцатипятилетия и займет пост Яги.

Мысль, что нашей дочери в расцвете сил придется переселяться в избушку на курьих ножках, мне ничуть не понравилась, но я постарался даже не думать об этом, чтобы Василиса не прочитала мои мысли, а там, через тридцать с лишним лет, что-нибудь да придумаем.

– А с чего ты решила, что родится именно девочка, а не мальчик?

– Уж такая у меня наследственность: в нашем роду рождаются только девочки, так что о сыне даже и не мечтай!

– Да я, наоборот, рад, что у нас будет девочка! А вот мне сейчас сон приснился.

Василиса приложила палец к моим губам и прошептала:

– Тссс, я знаю, не рассказывай, а то не сбудется. Спи, рано еще, даже не рассвело.

Ее мягкие пальчики коснулись моего лица, и я стал проваливаться в сон, только успев подумать: неужели кнопка Reboot так и осталась на лбу или мне все снится?

Глава 2

*Поистине сон не есть не сон, а не сон не есть сон.
Итак, про сон сказать, что это сон, все равно, что
про сон сказать, что это не сон. Говоря кратко, про
не сон – сон или сон – про не сон.
X/ф «Волшебная лампа Аладдина»*

Когда я проснулся в следующий раз, то солнце стояло высоко, а часы показывали одиннадцать утра. В кровати рядом со мной никого не наблюдалось, и даже никакого намека на то, что кто-то здесь, кроме меня, спал. Ведь всегда остаются едва заметные следы: запах, вмятина на матрасе, забытая заколка, волосок, оставленный на подушке, а тут – ничего. Осмотрел комнату – никаких следов присутствия Василисы, ни малейшего легкого намека на то, что она побывала здесь, я даже вышел на балкон, чтобы проверить – вдруг остались царапины от ступы? Но чем дольше искал, тем больше понимал, что никаких достоверных подтверждений реальности случившегося не сохранилось, неужели сон? Такой запутанный и добрый сюжет, столь похожий на правду, ведь обычно сновидения не выглядят столь реалистичными, а вот поди ж ты – привиделось почти как наяву! Какая жалость, и почему все самое лучшее со мной случается только во сне?

За окном стояло воскресенье, а я опять стал холостяком, которому нечем заняться в выходной день, поэтому распах-

нул все окна и не спеша, с удовольствием стал делать зарядку. Поднимая гантели, я раз за разом прокручивал перед глазами сегодняшний сон: все помнилось словно наяву, даже ароматы, обычно в моих снах нет запахов, а тут они изобиловали – солнечная лесная полянка, травы, заваренные в банной шайке, печеное мясо и непередаваемый запах волос Василисы – чрезвычайно отчетливо и реально! Неправдоподобным казалось только присутствие сказочного персонажа – Яги, хотя если предположить, что это просто баба Вера, живущая в избушке, которую все кличут Бабой-ягой, то тогда все сходится! Ведь если разобраться, то никаких особых чудес со мной и не произошло, кнопка Reboot с присоской? Какое же это волшебство, а избушка и баня с вениками – обыкновенные, накормили мясом по заказу – так я не видел, как его готовили, а само жаркое вполне обычное, разве что очень вкусное, но это тоже не колдовство. Ведь могло и наоборот случиться – Василиса готовила обед, а я учуял запах печеного мяса и чеснока, вот и подумал о таком деликатесе. Только эпизод, когда меня сгружали со ступы, немного странный, но в тот момент я точно спал, могло и померещиться.

Закончив зарядку, я пошел в ванную и, уже стоя под душем, отметил: надо же, а желудок-то совершенно не болит, вот как человеческая психология устроена: стоит даже во сне увидеть, что тебя полечили, как сразу становится лучше! Все-таки правильно говорят, что все болезни только от нер-

вов, исключительно от них. Не успел я порадоваться, что так хорошо себя чувствую, как вдруг в ухе у меня что-то зашумело, наверное, вода попала. Я попрыгал на одной ноге, прижав ладонь, — шум не прекратился, мало того, зашумело и в другом. Попробовал широко открыть рот, имитируя зевоту — так я иногда борюсь с закладыванием ушей в самолете, — но и это не помогло! Пришлось выходить из ванной и искать леденец из тех же запасов, что раздают в авиарейсах — никакого эффекта! Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, сказал я сам себе, стоило только подумать, что ничего не болит, как тут же сглазил!

Случается такое, когда мошка залетит в ухо и там попискивает, а тут создавалось ощущение, что какое-то микроскопическое насекомое спряталась и тихо жужжит. Нельзя сказать, что я перестал слышать вообще, но тихие звуки забывались напрочь! Мысль про то, что кто-то мог таким способом преднамеренно уменьшить чувствительность слуха, меня насторожила, что-то в ней присутствовало довольно логичное. Ведь если у кого-то возникнет желание сделать так, чтобы я чего-то не услышал, то посадить мне в каждое ухо по маленькой мушке — очень хорошая идея. Только как это сделать, чтобы я не заметил, да еще так, чтобы мушки не улетали и не прекращали жужжать? Бред, полный бред, выругался я на себя, опять слишком много думаю о всякой белиберде. Более материалистическое объяснение в том, что к слуховому аппарату уха подходят кровеносные сосуды, и один

из них лопнул, создав иллюзию шума. А если лопнуло сразу два, то, значит, повысилось кровеное давление. Мне тут же вспомнился плакат со стены поликлиники: «Вы можете даже не подозревать, что у вас повышенное артериальное давление!» Вот так сделал зарядочку – перенапрягся! Нет чтобы дать обычную нагрузку, а я по принципу «что нам, кабанам».

Достал тонометр и померил давление – сто двадцать на восемьдесят, и пульс хороший, как говорят – хоть сейчас в космос! Да, материалистическое объяснение рассыпалось в прах. Вышел на балкон и посмотрел вниз, подо мной бушевали зеленые заросли деревьев и кустарников, по ветвям прыгали птицы, на площадке играли дети, чуть дальше в просвете между домами проходила улица, и по ней проезжали машины, я это все видел, но не слышал. В понедельник в моем распоряжении окажется вся мощь современной медицины, а пока у меня оставался еще один путь: нематериалистический. Тут, правда, мои знания исчерпывались сотней-другой книг из жанра фэнтези, специальной изотерической литературы я не читал, обучений не проходил, но попробовать можно, что нам, кабанам... вот привязалась же поговорочка! Потер ладонями лицо, сосредоточился и произнес:

– Мушки-мушки, зачем вам мои ушки? Летите себе с миром!

Не успел я закончить последнюю фразу, как обе жужжалки вылетели и с затихающим звуком скрылись. Повертел головой, пытаясь их разглядеть, но так ничего и не увидел – ни-

каких мух, комаров и прочих насекомых – совершенно ничего, только едва заметный писк, но и он вскоре затих. Зато теперь стали слышны гомон птиц, крики детей на площадке, звуки проезжающих машин, чья-то игра на балалайке и пение. От радости я уже собирался подпрыгнуть и громко закричать, но неожиданно остановился: стоп! Какая еще балалайка в двадцать первом веке в нашем дворе? Ладно бы местные рэперы упражнялись, но откуда взялся столь редкий инструмент? Я замер и прислушался, текст песни меня поразил еще больше, чем трели балалайки:

И кому какое дело,
Я на ступе улетела,
Обо всем забыть мечтала
И метлою загребала.

А голос? Совсем как в моем сне! Или все-таки не во сне? У меня в голове опять начиналась путаница, поэтому я решил не размышлять, а оделся и выскочил на улицу. Во дворе никакого пения уже не слышалось, да и подозрительных бабушек с балалайками не наблюдалось. Присел на лавочку и задумался: вроде бы и сон, а с другой стороны, уж очень похоже на действительность – слишком все натурально и реально для сна, да и многовато странностей и совпадений, произошедших уже сегодня утром. Оставался только один способ проверить мои подозрения: повторить тот самый путь, что проделал вчера, хоть я и заплутал во сне, но найти дорогу

сумею без труда! Память у меня просто великолепная – стоит хоть раз пройти – потом повторить маршрут смогу даже с закрытыми глазами. Не откладывая дело в долгий ящик, я встал с лавочки и пошел, стараясь в точности следовать вчерашнему курсу.

Поначалу все двигалось очень хорошо: кварталов десять шел как по писаному – каждый поворот, каждая мелочь подтверждала, что здесь я проходил, а вот дальше поход застопорился. Вот здесь, во сне, я зашел в арку старого сталинского дома, за ней начинался густо заросший двор, из которого я и попал в Заповедный лес. Вернее, так: деревья двора стали гуще и постепенно перешли в настоящий лес, но сегодня я пересекал густо засаженный двор и выходил к площадке, заставленной «ракушками» и бездомными автомобилями. После нее стоял еще один дом, а дальше пролегал очень хорошо знакомый мне проспект Мира – никакого леса поблизости и быть не могло, негде ему спрятаться среди столь плотной застройки! Именно здесь и начиналась разница между сном и реальностью: во сне я смог пройти дальше, но сейчас такой фокус не получался. А почему? Ответа на этот вопрос не находилось, поэтому пришлось возвращаться домой ни с чем.

По дороге еще раз смотрел на пройденный путь и думал: какую злую шутку со мной во сне вытворила память, я же с детства помню все эти дома, дворы и улочки – мне шесть лет исполнилось, когда сюда переехали. И что же получается? Я во сне прошел по пути, знакомому мне с детства до

мелочей, а потом как бы перескочил из реального города в несуществующий лес, а дальше и вообще в сказку. Причем не классическую, а в какой-то симбиоз из книжек, фильмов и анекдотов. И как жаль, что Василиса – лишь мое сновидение, ведь меня во сне угораздило втюриться в несуществующую женщину и почувствовать себя семейным человеком! всю жизнь я искал свой идеал, влюблялся, разочаровывался, обжигался, казалось бы, давно мог выработать стойкий иммунитет к семейной жизни, но ведь нет, значит, где-то в глубине сознания сохранилась мечта о моей суженой, прекрасной и единственной. И вот в такой странной форме этот идеал проявился в моем сне, и почему такие замечательные девушки не встречаются наяву?

Вернулся я домой весь разбитый и в плохом настроении. То ли из-за мушек-жужжалок, то ли из-за мрачных мыслей о перспективе стать старым холостяком у меня разболелась голова. Причем боль чувствовалась только в одной точке: посредине лба, чуть выше переносицы. Пробурчав, что не хватало мне только дамской болезни – мигрени, лег и задремал. А снилось мне, что лежу у себя в комнате и слушаю разговор двух женщин, доносящийся откуда-то издалека, у одной из них голос звучал звонко и моложаво, а у второй надтреснуто и грубовато.

– Бабуля, зачем так делать? Я же тебя просила просто приглядеть за ним, чтобы он тебя не видел и не слышал.

– Дык, я и присматривала. Он мне не видел и не слышал

почти. И как ему удалось слуховой морок прогнать – ума не приложу!

Разговор шел явно про меня – это интриговало, и тут до меня стало доходить: молодой голос – Василисин! Однако я не мог сказать с уверенностью, она это или нет, слишком приглушенно звучали голоса, да и не так много я разговаривал с Василисой, чтобы научиться различать ее интонации, только иногда в разговоре проскальзывали очень знакомые нотки.

– Бабуль, не видел и не слышал – означает, что надо вести себя так, чтобы тебя не видели и не слышали без мороков, а тем более таких неприятных.

– Так что же мне, со скуки подыхать?

– Нет, стащить балалайку и горланить песни: «Я здесь, я Баба-яга, берите меня голыми руками», кстати, он действительно очень быстро разобрался и снял морок.

– И уж как умудрился? Ух, не зря ты его, наверное, себе выбрала. А вот насчет того, что берите голыми руками, это уж фигушки с маслом! Меня так просто не возьмешь! Я им всем такую кузькину мать могу устроить, что мало не покажется!

– Ты здесь не в Заповедном лесу, где каждый кустик тебе помогать готов, а на вражеской территории. А кузькину мать – это ты про шестьдесят четвертый год намекаешь?

– Нашла что вспомнить! Разок оплошала, так теперь триста лет будете энтим случаем в глаза тыкать? Да табе тогда

еще и на свете не было! Сплоховала чуток, так попрекать-то зачем?

– Бабуля, ты же знаешь, как я тебя люблю, поэтому и волнуюсь. Когда постоянно живешь в Заповедном лесу, то начинаешь забывать об опасностях, появляется безалаберность и бесшабашность, а нам сейчас надо быть очень аккуратными и осторожными. Ты же лучше меня знаешь, от кого и зачем его надо охранять.

В этом месте сна я понял, что моей скромной персоне что-то угрожает, и стал внимательнее прислушиваться, как-то неприятно задели слова, что меня надо от кого-то охранять, причем так, чтобы не замечал.

– Знаю, не маленькая.

– Ты ведь понимаешь, что мне сейчас некого больше попросить. Иначе ни за что не стала бы тебя из избышки в город вытаскивать, поэтому давай-ка не позволим супостатам воспользоваться нашими ошибками.

– Эх, правильно ты все говоришь, Василисушка. Как есть правильно. Я постараюсь.

Услышав это имя, я встрепенулся: Василиса, опять она мне снится, чтобы не проснуться и дослушать сон до конца, замер, стараясь не пропустить ни слова. Наступила небольшая пауза, какое-то время слышались только легкий стук посуды и звуки льющейся воды, потом опять раздался трескучий голос:

– Вася, я тут тебе, это, принесла кой-чего – подарочек к

свадьбе.

– Опять? Убери, даже видеть не хочу! Я тебе еще вчера сказала, что не собираюсь читать эту писанину. Не бу-ду!

– Зря ты так строжишься. Это же, почитай, главный науч-ный труд моей жизни!

– Когда пишешь на тему, которой не знаешь, то получа-ются одни небылицы и выдумки, а никак не научная работа.

– Это я-то не знаю? – обиделась Баба-яга. – Перед тобой трактат об отношениях мужчины и женщины. А уж в этом я разбираюсь о-го-го как!

– Бабушка, ты же сама говорила, что последние отноше-ния у тебя случились с драгуном в конце девятнадцатого ве-ка!

– Не с драгуном, а с гусаром, здесь огромная разница! К ним разный подход надобен! И энто все здесь описано, по-дробно, как есть!

– В том-то и дело, что сейчас двадцать первый век и таких родов войск не осталось в помине, да и человеческие отно-шения за два столетия кардинально поменялись.

– Зря ты так! Многие солидные издания готовы заплатить большие деньги за то, чтобы получить право на публикацию моего трактата!

– Бабуль, забери эти сказочки для прыщавых юнцов – они мне не нужны. Я хочу все проходить сама, так, как я считаю нужным.

– Вот во всем ты такая: я сама, я сама. Ладно, заболталась

я тута с тобой. Пойду твое порученьице выполнять. Ух, и задала ты мне задачку! – В голосе Яги появилась гордость. – Да уж! Как самое сложное и запутанное, то только я. А если не я, то кто тады? Ладно, проводи меня.

Послышались шаги по коридору, хлопнула входная дверь. Вздвогнув от звука, я понял, что уже минут двадцать не сплю, а просто лежу и слушаю. Сердце у меня бешено заколотилось, значит, весь разговор – реальность, а не сон, и то, что вчера случилось со мной, тоже происходило на самом деле? Не в силах сдержать волнение, я вскочил и бросился на кухню.

Там царил просто колдовской запах обеда: на плите стояла кастрюля с борщом, а в духовке что-то запекалось – по запаху явно мясное! Все вокруг сияло чистотой и порядком. Нельзя сказать, что у меня грязная кухня, но чувствовалось, что мебель не новая, полотенчики застиранные, кастрюли чуть подкопченные, а тут все просто блестело! «Настоящее колдовство», – подумал я! На столе лежал тяжеленный фолиант в кожаном переплете с тисненной золотом надписью: «Женщина. Жизнь дамы среди подлых самцов», такая красивая обложка и столь грубейшая опечатка. Наверное, Баба-яга забыла свой «научный труд», подумал я и взял том в руки. Весил этот талмуд килограмма три, не меньше. Открыл первую страницу и прочитал: «Мужчины – злобные и мстительные существа. Они добивающиеся своего господства над нами, дамами. Но есть много способов, позволяю-

щих окрутить и обуздать мерзких паразитов, чтобы использовать их в своих целях». Дальше прочитать не успел: тяжеленный том вдруг легко взмыл из моих рук вверх, захлопнулся и лег обратно на стол, а за спиной я услышал голос Василисы:

– Не советую, после прочтения гарантировано расстройство психики и устойчивая ненависть ко всем представителям противоположного пола.

Я повернулся и заключил свою жену в объятия:

– Василисушка, ты все-таки не сон, а реальность!

Она рассмеялась:

– Когда ты про лопату и печь думал, то показался мне гораздо сдержаннее! Ладно, отпускай меня, пора обедать, я голодная, да и ты тоже, а еще надо много чего тебе рассказать и кое-какие меры защиты принять. Не испугался, не передумал?

– Нет, и передумывать не собираюсь. Вот только ты мне объясни: волшебник – это обычный человек или какой-то особенный?

– Обычный, только прошедший посвящение. Все, садись за стол, если не собираешься уморить меня голодом!

Борщ оказался просто изумительный. Вкуснее этого я ел разве что печеное мясо быка с чесноком, но это случилось в избушке, в Заповедном лесу, там все дышало тайной и волшебством, но Василиса не дала мне развивать тему про кули-

нарную магию:

– Давай-ка я тебе попробую рассказать самое основное, ты постарайся меня не перебивать, а вопросы задашь потом, идет?

Я моментально согласился и подналег на обед, а Василиса начала свой рассказ:

– Магическое сообщество живет совсем по другим законам и правилам. Все волшебники объединены в кланы, между которыми существуют очень непростые взаимоотношения, да и моральные нормы у нас сильно отличаются от общепринятых. Хоть многие волшебники и живут среди людей, но когда начинаются колдовские разборки, то человеческие нормы отбрасываются. Тут все быстро не расскажешь, например, существует целый кодекс, как правильно вызвать на дуэль и что считается благородным, а что подлым.

– Значит, между волшебниками идет война? – не удержался я. – И вообще, откуда такое нерусское словечко – клан, ведь оно больше Шотландии подходит?

– Слово еще во времена Петра Первого к нам пришло и прижилось, а войны между волшебниками сейчас нет, но существует постоянное противостояние. Есть кланы сильные и агрессивные, таких немного. Зато полно мелких, которые сидят на своем единственном артефакте и занимаются в основном сплетнями и слухами. Вот, попробуй, эти пирожки баба Вера специально тебе принесла – очень вкусные!

Я попробовал – пирожок оказался действительно восхи-

тительным. Мясная начинка острая и сочная, почти как в чебуреке. Только у бабы-Вериных пирожков тесто оказалось дрожжевое: пышное, нежное и диетическое.

– А противоборство тоже, как в жизни, из-за денег и власти?

– Некоторые кланы любят деньги и занимаются стяжательством, но гораздо важнее артефакты, тайные знания и магические места.

Василиса убрала пустые тарелки из-под борща, достала из духовки и отрезала нам по огромному куску мяса, запеченного в фольге. Я попробовал и зажмурился от удовольствия: сегодня у меня выдался настоящий праздник – сидеть за столом с моей прекрасной Василисой и есть такую вкуснятину!

– А какие магические места ты имеешь в виду?

– Их много. Нашему клану издревле принадлежит Заповедный лес – очень мощный и своенравный артефакт. Есть и другие: пещеры, горы, озера, например водоем, в котором мать купала маленького Ахилла, держа его за пяточку.

– Вот это да! Значит, история про Ахиллеса – не сказка? Обалдеть легче! А волшебный Заповедный лес только один?

– Почему же, магических лесов много, есть рощи друидов, но они другие, со своими особенностями и волшебством.

– Значит, все, что написано в книгах, – правда?

– Не все, но много чего из сказок, легенд и древних преданий – правда.

– А змей Горыныч?

– Обычный дракон, одна из многих его разновидностей. Вредный и злобный, последний его представитель уничтожен у нас в Заповедном лесу при помощи меча-кладенца. Да, история про змея Горыныча – тоже не сказки, а волшебный непобедимый меч когда-то принадлежал нашему клану, но мы его не уберегли.

– Произошел магический бой, и меч у нас отбили?

– Давай тарелку, сейчас подам десерт. Нет, просто-напросто выкрали.

На десерт оказался фруктовый салат с мороженым – вкуснятина необыкновенная, особенно летом, в жару!

– А такое воровство противоречит нормам морали волшебников?

– Нисколько. Если ты свое богатство не уберег, значит, ты разиня и недостойн им владеть. А тот, кто выкрал, – молодец, слава и почет ему.

– А вот посвящение, как оно действует, прошел и тут же стал колдуном?

– Не сразу, у человека всего-навсего открываются скрытые возможности, а чтобы стать настоящим волшебником, надо очень долго учиться и оттачивать мастерство. Новорожденный ребенок может видеть, но не осознает, что перед ним, может слышать, но не понимает смысла слов. Так и волшебник – после посвящения получает способности, но пользоваться ими еще не может.

– И каков обряд посвящения? Вручение волшебной па-

лочки?

– У каждого клана свой обряд с разными артефактами, но суть одна.

– А потом магические школы?

Василиса опять рассмеялась:

– Нет, процесс обучения – сугубо индивидуальный. Мастер берет ученика и занимается только с ним одним, и все происходит только внутри клана, знания на сторону никогда не уходят, так как никто не станет обучать чужих волшебников.

– А скрытые возможности, они у всех одинаковые?

– Нет, конечно. Как и все способности человека – они разные, у кого-то слабые, а у кого-то сила бьет через край. Еще существуют магические существа и животные, обладающие определенными способностями, но волшебниками могут стать только люди.

– Все приходят в клан, как и я, через брак с волшебником?

– Совершенно не обязательно. Кто-то находит нас сам, некоторые кланы целенаправленно ищут людей с выдающимися способностями.

– А самому стать волшебником?

– Исключено. Эпоха одиночек давно закончилась. Лет триста назад убили последнего мудреца-одиночку, жившего в пещере. Все сокровища и артефакты забрал клан-победитель. И не смотри на меня так, с точки зрения морали волшебников, это нормально. Его по всем правилам вызвали на

поединок, и он проиграл. Наши принципы ближе к средневековым рыцарям, думай о нас в таком ключе, и тебе станет проще все воспринимать.

– Так ведь он мог не принять вызов?

– Отказавшийся от дуэли автоматически считается проигравшим, и победитель может делать с ним все что заблагорассудится – заколдовать, взять в рабство, убить, хотя может просто ограбить и отпустить.

– Хорошенькое дело! И часто такое происходит?

– Регулярно. Например, есть такой клан Бессмертия, так он за последние десять лет шесть кланов уничтожил.

Я попробовал пошутить:

– А предводителем там Кашей Бессмертный?

– Он самый, собственной персоной.

– Ничего себе! Вот уж и не думал, что очень многое из того, что считал выдумками, окажется правдой!

– Помнишь такую подсказку: «Сказка ложь, да в ней намек...»?

Вставать из-за стола не хотелось, вот так бы сидел и разговаривал с Василисой до бесконечности. Я даже немного боялся того, что как только мы встанем, придется куда-нибудь идти и что-нибудь делать, а мне хотелось смотреть на мою Василису и упиваться счастьем от того, что она рядом. Поэтому, может, я и продолжал разговор? Хотя, честно говоря, любопытство меня тоже разбирало.

– Насколько я понимаю, есть колдуны злые – черные и

добрые – белые?

– Опять несоответствие категорий. Цель любого клана одна – овладение могуществом: знаниями и артефактами. Есть волшебники, которые не чураются грязных методов, поэтому их так и называют – темные, и есть те, кто не пользуются такими методами, или светлые.

– А какие методы называются грязными?

– Их много, сразу все и не перечислишь. На самом деле существует масса оттенков серого цвета, например, кто-то допускает применение заклинаний с использованием крови, но не приемлет пытки. Да, есть и такие, которые практикуют истязания, кстати, и в кланы собираются волшебники, довольно близкие по оттенку.

– А мы какие?

– Ого, уже «мы»! Значит, ты уже ощущаешь себя частью клана? Мы – светло-серые, а клан Бессмертия – темно-серый. Вроде градация небольшая, а на самом деле – между нами огромная пропасть!

– А я могу стать волшебником?

– Можешь, только надо решить: хочешь ты этого или нет? И постарайся подойти к решению со всей серьезностью, ведь у человека, прошедшего посвящение, уклад жизни сильно меняется, ты готов к этому, хочешь таких изменений? Случались прецеденты, когда просились обратно, поэтому, если ты не уверен, – самое время передумать. Я тебя торопить не собираюсь – поживешь со мной, осмотришься, войдешь в

курс дела, тогда и решишь.

Я не раздумывал ни секунды, вернее, во время нашего разговора уже давно для себя понял, что хочу раскрыть свои волшебные способности, поэтому ответил моментально:

– Да, я готов и хочу!

Василиса пристально посмотрела мне в глаза, не знаю, что она там высмотрела, но отговаривать меня не стала и тут же согласилась:

– Хорошо, пойдем, я посвящу тебя в клан Заповедного леса.

Но вот так просто встать и пойти – не получилось, я уже завязывал шнурки на кроссовках, когда в квартиру зашла Баба-яга. Как она смогла войти без отмычки, не сломав замок, я не понял. Внешне все выглядело так, словно у меня не стальная дверь, а терминатор из жидкого металла: дверное полотно изогнулось, открылось и вернулось в нормальное состояние. А дальше между Ягой и Василисой произошел диалог, из которого я почти ничегошеньки не понял.

– Васенька, он все-таки сделал это, растудить его костлявенького. Все своими глазами видела.

– Сколько у нас есть времени?

– Ихто ж его знает, ведь энтого тысячу лет никто не пробовал. Да и тот случай – жутко странный.

– Значит, надо действовать.

Мне надоело изображать из себя молчаливую мебель:

– Василиса, объясни мне, что произошло?

– Извини, потом, время дорого. Я сейчас отлучусь, а когда вернусь – все постараюсь объяснить.

– Я пойду с тобой.

– Нет, – твердо ответила Василиса, – я тебе обещаю, что когда придет время, сама не позволю тебе прятаться за чужими спинами. Но сейчас не тот случай, просто дождись меня, хорошо?

Я остался, а Василиса с Ягой ушли. Попробовал позаниматься домашними делами – все валилось из рук, начал читать, но глаза проскальзывали по тексту, не оставляя никаких следов в голове. Так продолжалось до вечера, а когда стемнело, я включил лампу, взял лист бумаги и попытался нарисовать схему того, что уже узнал, это меня немного успокоило и отвлекло от грустных мыслей. Получился рисунок с несколькими неприступными крепостями, в каждой из которых окопался какой-то клан, а в центре наш Заповедный лес, и сотни лет, если не больше, длится вражда и противостояние. Да, ситуация неприятная, а если судить по нарисованной схеме, то можно предположить, что суть разговора Василисы с Ягой сводилась к следующему: кто-то из противостоящего клана решил применить какое-то страшное заклинание, результаты которого непредсказуемы. Например, волшебники, его применявшие, просто-напросто не выжили, вроде все сходится, но от подобных мыслей мне не становилось легче, а скорее наоборот. Василиса в опасности, а я

даже не знаю, где она, что ей угрожает, а самое главное, чем ей можно помочь? До глубокой ночи я ходил из угла в угол, но никаких известий от нее не поступало, и только ближе к полуночи мне померещилось, будто моя милая откуда-то издалека тихо прошептала: «Ложись спать, за меня не бойся: утро вечера мудренее». От этих слов глаза у меня стали закрываться так быстро, что я едва успел раздеться и дойти до кровати.

Глава 3

Там царь Кащей над златом чахнет...
Александр Сергеевич Пушкин, «Руслан и Людмила»

По своей наивности я ожидал, что воскресное утро женатого человека начнется с нежного поцелуя жены, но не дождался. Вместо этого чья-то неимоверно сильная рука схватила меня за горло и вытащила из кровати – вот тебе и весь сказ про утро вечера мудренее! Болтая босыми ногами и тщетно стараясь глотнуть воздуха, я пытался разодрать глаза и понять, что происходит, но они не открывались – только узенькие щелочки, сквозь которые удавалось рассмотреть далеко не все, да и то смутно и расплывчато. Понял только, что нахожусь дома – это уже радовало, кровать стояла пустой, значит, Василиса домой так и не приходила. Понять же, кто или что меня так «нежно» держит за шею, я не мог – то ли спросонья, то ли от нехватки кислорода, но глаза упорно не желали фокусироваться на утреннем террористе. И когда я уже начал подумывать, что пришла пора прощаться с жизнью ввиду нехватки кислорода, то над самым ухом услышал до боли знакомый надтреснутый голос:

– Хватит дрыхнуть, голубь, дело не терпит!

От столь знакомого тембра у меня прямо камень с души упал: это не террористы и не маньяк, насилующий преста-

релых детей, а всего-навсего теща, или, как правильное сказать, правнучатая бабушка моей Василисы. В общем, пока мне не откроют доступ к кислороду, я точнее не сформулирую, короче, родственники, да отпустите же, задохнусь! Как и повелось, мою невысказанную фразу услышали, железная рука разжалась, и я рухнул вниз. От соприкосновения с полом в очередной раз убедился, что дуб, из которого у меня сделан паркет, очень крепкая порода дерева, – приложился спиной и головой чрезвычайно чувствительно. Я еще лежал на полу, пытаюсь понять где верх, а где низ, как Баба-яга заговорила снова, на этот раз уже умоляющим тоном:

– Да пойми же ты, Василиса в опасности!

Эти простые слова произвели прямо-таки волшебное действие и моментально подняли меня на ноги.

– Что с ней?

– Одевайся, аль так пойдешь?

Я бросился натягивать джинсы с рубахой, перекрыв армейский норматив скорости в сорок секунд, и уже на лестнице опять привязался к Яге:

– Так что все-таки случилось?

– Здесь не Заповедный лес и нельзя языком молоть попусту. Вишь, скока ушей слушает?

Яга щелкнула пальцами, и я увидел: из стены, с потолка, а где-то прямо из ступенек лестницы торчали уши – человеческие, звериные, летучих мышей и каких-то неизвестных мне существ. Я с удовольствием наступил на одно такое,

торчащее из пола, раздался явственный хруст, и послышался вскрик. Яга потянула меня за рукав:

– Пошли быстрее, милай! Некогда тута на ерунду размещиваться.

На улице Яга уверенно потащила меня в торец дома, где стояли помойные контейнеры, отгороженные низкой кирпичной стеной. Скрывшись за ней, она вынесла оттуда большую деревянную ступу, причем так легко и просто – одной рукой держала за край, словно та была сделана не из дерева, а из пенопласта! Я начал волноваться:

– Знаете, ступа хоть и большая, но вместе мы в ней точно не поместимся!

– Вдвоем и не надобно, табе одному лететь.

– Как одному, я этого не умею, и никакого документа, удостоверяющего право на управление ступой, у меня нет! А потом, она же грязная, с помойки, там микробы, бактерии, инфузории!

– Какой документ, какие микробы? Полезай в ступу, и все дела. А про инфузорий мы с тобой как-нибудь апосля покалякаем. Можешь понять, что каждое промедление смерти подобно!

Я глубоко вздохнул, зажал нос пальцами и залез в ступу. Внутри оказалось довольно просторно: края доходили мне до середины грудной клетки, а ширина позволила бы лететь и вдвоем, но уже тесно прижавшись друг к другу.

– А как управлять этим агрегатом и какие основные прин-

ципы его работы?

Яга мне ехидно улыбнулась:

– Не обессудь, милай, метлу тебе не дам – самой надобна. Да ты все равно не обучен с ней обращаться. Я сейчас тебе запушу, а ступа сама привезет куды следует.

Мне такой подход категорически не понравился:

– А как я приземляться стану, тут ни кнопок, ни рукояток, ни педалей?

Яга не дала мне договорить, а скороговоркой произнесла какую-то тарабарщину, ударила метлой под основание деревянного летательного аппарата и лихо прикрикнула мне вслед:

– Эхе-хей, пошел, залетный!

От удара ступа сорвалась с места и понеслась так, словно я сел в снаряд и им только что выстрелили из огромной пушки. Ускорение вжало меня в борт, но я все-таки успел прокричать:

– А что мне вообще делать-то надо там, куда я лечу?

В ушах свистело невероятно, мой крик растянулся в тонкую ниточку и затерялся в шуме ветра, но ответ я успел слышать:

– По обстоятельствам разбересси!

Несмотря на перегрузки, плющившие меня так, что тресали кости, возмутился – легко сказать «по обстоятельствам», а ведь у меня нет ни малейшего представления, куда и с какой целью лечу! Дальше начались другие проблемы,

которых я так опасался: то ли из-за спешки при запуске, то ли из-за того, что мне не дали помела для управления, ступа начала крениться. Когда край немного наклонился набок, я не очень испугался, но потом она легла почти горизонтально, а дальше и вообще перевернулась вверх дном! То есть ступа продолжала лететь с огромной скоростью вперед, но только вверх тормашками! Никаких ручек, скоб и выступов внутри я не обнаружил – только голые, изъеденные временем деревянные стенки. Не знаю, какое чутье подсказало мне, но я вспомнил один альпинистский трюк и сделал «распорку»: с силой уперся руками и ногами в стенки. Почти так поднимаются внутри скальной или ледяной трещины – это и спасло меня от выпадения, а то соскользнул бы вниз, и привет родным! Хотя, по правде сказать, какие родные? У меня после смерти родителей никого и не осталось-то из родни, разве что теперь появилась Василиса и еще теща в нагрузку, она же Баба-яга по совместительству.

Краем глаза я видел, как подо мною на огромной скорости пролетали поля, перелески, ленточки рек и населенные пункты – вид почти как с самолета, только гораздо ближе, поэтому казалось, что ступа несется быстрее реактивного лайнера. Пока я висел вниз головой, ступа продолжала потихоньку вращаться, совершив полный оборот на триста шестьдесят градусов, она опять повернулась дном вниз, выровнялась и дальше полетела уже ровно. А когда за бортом показались какие-то предгорья, рядом с которыми распола-

гался огромный дворец, я начал снижаться, но не привычным для самолетов способом «заход на посадку», а совершенно варварским и неделикатным. Ступа словно натолкнулась на невидимую стену, остановилась и стала падать, я только и успел закричать, не обращая ни к кому конкретно.

— Блин, кто же такие траектории для посадки закладывает?

В ответ, словно откуда-то издалека, послышался голос Яги:

— Милай, это же пятнадцатый век, какие тебе траектории? Дальше началось отвесное снижение с ускорением свободного падения, которое, как известно, за секунду увеличивает скорость на девять и восемьдесят одну сотую метра в секунду, это если не учитывать трения о воздух. Мой мозг судорожно проводил расчеты: какого диаметра пятно останется от меня, если шмякнуться на землю со скоростью около двухсот метров в секунду? Закончить вычисления я не успел: ступа врезалась в огромную стеклянную крышу, пробила в ней дыру и вместе с кучей осколков провалилась внутрь, отчего у меня в глазах возникла вспышка яркого света, и все провалилось в темноту.

Очнулся уже в оранжерее или зимнем саду, всюду виднелись дикие тропические растения и цветы, а высоко надо мной простирался застекленный потолок с зияющей дырой. Вокруг меня хлопотали две садовницы в спецодежде, с торчащими из карманов садовыми инструментами, одна из

них прикладывала мне на голову холодный компресс, а вторая давала нюхать нашатырный спирт – от этого запаха я и пришел в себя. Рядом стоял явно хозяин оранжереи: высокий, худощавый седой мужчина с холодными глазами, ухоженный и холеный. Одет он оказался по-домашнему: в дорогой шелковый халат и кожаные шлепанцы на босу ногу, но при этом на левой руке у него сверкал массивный перстень с огромным бриллиантом. Не знаю, сколько он потянул бы в каратах, но размером камешек походил на крупную черешню. Да и во всех жестах, позах и взгляде Холеного читалось, что он здесь хозяин всего и вся. Увидев, что я очнулся, он оживился:

– Как же вы, молодой человек, так неаккуратно-то? Считайте, чудом живы остались!

Мне этот тип, а особенно его тон сразу не понравились. Если бы он с ходу на меня начал орать за причиненные убытки – это понятно, такая реакция выглядела бы естественной, а вот трепетная заботливость после пробитой крыши вызывала по меньшей мере подозрение.

– Вы мне зубы не заговаривайте, где моя Василиса и что с ней сделали?

Я попытался снять компресс и встать, но голова предательски закружилась, Холеный подскочил ко мне и попытался подать руку:

– Осторожнее, не делайте резких движений!

Я от его руки отказался и повторил вопрос:

– Где Василиса?

По виду Холеного читалось, что он явно чувствует себя в своей тарелке, а ведение переговоров – это его конек.

– Прямо так – с порога и сразу о делах, не представившись, не познакомившись? Так вот, господин торопыга, с вашей Василисой все в порядке, она сейчас беседует с начальником нашего исследовательского центра.

– Значит, она в плену и вы ее пытаете?

Холеный очаровательно рассмеялся, ну просто душка, это меня взбесило еще больше – во всем его поведении сквозило что-то лживое.

– Вовсе нет. Ваша Василиса заявила сегодня утром ко мне, причем, прошу заметить, пришла сама – никто ее силой не приводил, не похищал. Потребовала встречи с нашими исследователями, я разрешил, и сейчас они мирно беседуют. Хотите удостовериться – пойдемте!

Что-то меня смутило в этой услужливой готовности к сотрудничеству, но я все-таки встал и пошел за ним. Холеный вел меня по коридорам и лестницам дворца, а сам продолжал излагать:

– Понимаете ли, любезный, нам не нужны конфликты с другими кланами. Поэтому мы всегда стараемся все улаживать мирно, по-доброму.

– Даже после разбитых стекол?

– Ой, не смешите меня, это такие мелочи, что на них даже внимания обращать не стоит. Считайте, что я давно забыл

про разбитое стекло.

– А что же для вас тогда не мелочи? Уничтожить еще один ослабевший клан?

– Сплетни, бабские наговоры и сплетни, – праведному гневу Холеного, казалось, нет предела, – меня, если уж совсем откровенно, сейчас больше волнует шишка у вас на голове, потому что вы, Заповедники, ваш клан, в смысле, такие резкие и вспыльчивые, что ужас просто! Сначала в морду бьете, а потом разбираетесь.

Про Заповедников у него я спрашивать не стал, решил, что потом уточню, почему он нас так назвал – это общепринятое сокращение от Заповедного леса, или он специально сказал, чтобы унизить, а то я даже и не знал, как реагировать. И спросить можно только у своих, если сам уцелею и останутся те, у кого можно спрашивать. Холеный же продолжал болтать не замолкая:

– Просто факты – упрямая вещь. Поэтому я не удивлюсь, если Василиса, увидев шишку на вашей голове, тут такое устроит, что разбитое стекло покажется детской шалостью. Вот, кстати, и пришли. Смотрите, неверующий.

Мы подошли к прозрачной стене, за который начинался огромный зал, действительно похожий на лабораторию, заполненную множеством каких-то приборов и агрегатов, назначения которых я не знал. Пол зала располагался ниже места, где стояли мы, поэтому все помещение просматривалось как на ладони. В самом центре, рядом с высокой неровной

колонной, держащей купол, стояли стол и кресла – что-то вроде уголка для совещаний, рядом располагалась белая пластиковая доска, изрисованная какими-то непонятными схемами и диаграммами. За столом в одном из кресел сидела Василиса, а напротив, в таком же кресле, располагался лысый мужичонка в белом халате, они довольно бурно что-то обсуждали, но через стекло ничего не слышалось. Позади кресла начальника исследовательского центра стояло человек десять в белых халатах – видать, младшие научные сотрудники или лаборанты – я мог только догадываться, они в разговор не вмешивались, только изредка отвечали на некоторые вопросы. Прислонившись к стеклу, я попробовал позвать:

– Василиса!

Холеный улыбнулся:

– Остекление звуконепроницаемое и полупрозрачное. Поэтому она нас не услышит и не увидит. Да, и сразу скажу, к вашему сведению, стекло каленое – выдерживает винтовочный выстрел в упор, поэтому пытаться его разбить – бесполезная трата сил.

– Отведите меня к ней.

– А вот здесь позвольте вам возразить! Вы понимаете, что станете мешать? Вы разбираетесь в проблематике обсуждаемых научных вопросов?

– Нет, но...

– Никаких «но»! Поговорите после совещания. Пойдемте

ко мне в кабинет, побеседуем, дождемся когда закончится диспут, а дальше вы вместе с вашей Василисой совершенно беспрепятственно отправитесь домой. Договорились?

– А почему вы так возражаете против встречи? Чего-то боитесь?

Холеный опять рассмеялся, показав два ряда идеально ровных вставных зубов, хоть в рекламе зубной пасты снимай.

– Я, чего-то боюсь? Да помилуйте! Разве я похож на человека, который чего-то боится? Просто я слишком ценю время моих ученых. Василиса сегодня пришла и в свойственной ей запелляционной форме потребовала встречи с моими исследователями. Я на это согласился. Но она – научный авторитет, имеет соответствующий уровень знаний и статус, я бы сказал. А вы же, к моему сожалению и при всем моем уважении, этими знаниями и статусом не обладаете. Представьте себе, придет слесарь в академию наук и начнет требовать, чтобы его пустили на совещание, потому что там его жена выступает на семинаре. Ведь не пустят, факт – не пустят, и будут совершенно правы!

Я сжал зубы, но согласился – гад все-таки этот Холеный, так мягко стелил, а в итоге я почувствовал себя оплеванным с ног до головы.

– Хорошо, я подожду здесь, чтобы видеть, что с Василисой все нормально.

– Да ради бога, смотрите. Только зачем же здесь стоять? Пойдемте ко мне в кабинет, там есть кресла и точно такая

же прозрачная стена в лабораторию.

Кабинет Холеного поражал: и размерами, и богатством обстановки, и количеством дверей – я их насчитал ровно одиннадцать, одна стена действительно оказалась прозрачной, и через нее открывался такой же вид на лабораторию, только с другой стороны. Я пододвинул кресло и сел так, чтобы видеть зал совещаний. Холеный, чуть смущенный моей бесцеремонностью (или только сделал вид, что смущен), сел рядом.

– Понимаете ли, вам ужасно повезло, что вы нарвались на нас, я бы сказал, белых и пушистых.

Я собирался молча сидеть и смотреть за ходом совещания, поэтому ничего и не ответил, Холеный же это воспринял как предложение продолжать:

– Для нас, в смысле, для нашего клана, на первом месте стоят знания и наука. Превыше всего мы ценим то, что нам дают достижения передовой магии: молодость, здоровье, долголетие, а то и бессмертие! В нашем клане собралось очень много порядочных и интеллигентных людей. И поэтому мы на такие мелочи, как битые стекла, внимания не обращаем. А ведь есть еще кланы, где на первое место ставятся чванство и самолюбование, правда, они это гордостью и честью называют. Но черную кошку как ни обзови, она все равно останется черной кошкой.

– А вы, значит, против гордости и чести?

– Вовсе нет, но нельзя же все доводить до абсолюта! У меня ведь тоже есть и своя гордость, и свое понятие о чести. Но, с другой стороны, я же понимаю, что первый полет на ступе, да еще без руля, ой, простите, помела, – это очень сложный и рискованный трюк!

– Не надо передергивать, вы прекрасно понимаете, что не трюк.

– Нда. А еще есть кланы, где верят в сказки, что у шатунов великолепная врожденная карма, которая передается по наследству. И если такого шатуна скрестить с волшебником противоположного пола, то родится магический гений.

– У каких шатунов? Из кривошипно-шатунного механизма?

– Нет, это скорее от «медведей-шатунов». Я так понимаю, что вам просто не успели объяснить – это такой жаргон. Разные люди по-разному приходят к кладезю знаний. Кто-то имеет талант от рождения, кто-то долго и усиленно ищет, кого-то кланы сами находят. А есть и такие, которые попадают к нам случайно. Например, шел, гулял и очутился в Заповедном лесу, который закрыт от всего мира и от посторонних глаз такой сильной и древней магией, что сейчас ее секрета никто и не помнит!

– Вы и про это уже в курсе?

– Нет, просто предположил самый логичный ход событий. Другие, например, забредали в пещеры к драконам, в рудники к гномам, в леса к эльфам. И подобных случаев множе-

ство!

Я промолчал и постарался сделать вид, что информация об эльфах и гномах мне абсолютно неинтересна. На самом деле меня интересовало все, но расспрашивать Холеного я считал неправильным.

– И вот как раз таких людей, не обладающих ни магией, ни знаниями, но спасшихся от ловушек и прошедших сквозь множество магических заслонов, мы и называем людьми с удачной врожденной кармой. Или шатунами – на сложившемся жаргоне.

– А что с наследственностью кармы?

– А, это, – он делано рассмеялся, – бытует такая гипотеза, что врожденная удачная карма передается по наследству. И если скрестить носителя магических способностей и носителя удачной кармы, то получится что-то вроде суперволшебника. Мы, чего греха таить, когда-то давно проводили такие эксперименты, но гипотеза не подтвердилась. Рождались просто нормальные люди – без каких-либо отклонений от нормы, то есть совершенно лишенные талантов своих родителей!

– Одно нейтрализует другое, и в результате получается ноль?

– Да, совершенно верно подмечено! Но вот некоторые примитивные и отстающие кланы не хотят признавать ошибочность данной теории и продолжают проводить опыты по скрещиванию шатунов с волшебниками.

Мне после этой фразы стало мерзко, ведь он хоть и вскользь, но намекал на меня с Василисой, что она не по любви за меня замуж вышла, а с целью выведения гениального потомства. И ведь так тонко излагал, гаденыш, что не подкопаешься, ведь он специально запустил мне червячок сомнений, чтобы я на досуге мучился раздумьями: а может, и правда у Василисы имелась такая цель – родить от меня гения? Но я решил сделать вид, что не заметил его гнусных намеков:

– И к чему вы мне все это рассказываете?

– К тому, что, попади вы сейчас не к нам, цивилизованным и прогрессивным, а в какой-либо отсталый клан, то сейчас вас в грубой форме вынуждали бы заниматься размножением.

Тут он как-то высоко и совершенно фальшиво рассмеялся, я поддерживать его смех не стал и промолчал. Повисла неловкая пауза.

– И еще один момент, – продолжил Холеный. – Часто случается так, что шатун случайно попадает в какой-то отсталый клан, дает клятвы, обещания. А потом, когда узнает про другие кланы, то к нему приходит прозрение. Он понимает, что ему хочется не в этом захолустном клане состоять, а в другом, более могучем и близком ему по духу. Так вот, к вашему сведению, чем раньше такое понимание приходит, тем легче и безболезненней все изменить и перейти в действительно достойный клан.

От такого неприкрытого предложения совершить предательство у меня внутри все аж закипело от злости, в другой раз за такие слова я бы и в морду мог дать, но сейчас требовалось забрать Василису и выбраться отсюда, поэтому я просто прервал его излияния:

– Я это обсуждать не намерен!

– Да я и не предлагаю ничего, просто говорю для информации, раз уж у нас разговор на эту тему зашел. Ой, а что же это я вас все разговорами да байками кормлю, а гость-то небось проголодался?

Холеный стал изображать обеспокоенность и засуетился. Я попытался отказаться, но он мое замечание проигнорировал, подошел к одной из множества дверей, приоткрыл ее и позвал:

– Зуля, у нас гость, надо его угостить.

Что находилось за дверью – разглядеть не удалось, но, как мне показалось, там располагалась спальня с огромной круглой кроватью. Насколько мне позволял видеть полумрак и едва приоткрытая дверь, с кровати кто-то встал и вошел в кабинет.

– Вот, познакомьтесь, моя любимая ученица, Зуля. Очень одаренная и талантливая. А это, – он сделал театральную паузу и замялся, – это товарищ из клана Заповедного леса, муж Василисы, в общем, если захочет – сам представится.

Зуля пристально посмотрела на меня, но я этот взгляд

проигнорировал, продолжая смотреть ход совещания в лаборатории. А обсуждение там приняло более бурный характер, теперь Василиса и ее оппонент, стоя у доски, отталкивали друг друга, что-то стирали, дорисовывали – явно чувствовалось, что разговор шел на повышенных тонах, но звуки не долетали. Холеный заметил мой интерес к возросшей активности обсуждений и прокомментировал:

– Увлеченные люди, ученые, горячие головы. Уважаю, нет, честное слово, уважаю.

Зуля в это время подошла еще к одной двери кабинета и выкатила оттуда тележку с фруктами, вином и какими-то десертами, подвезла ее к стеклянному журнальному столику, рядом с которым сидел я, и стала выставлять деликатесы с тележки на стол. И только тут я обратил внимание, что одета эта Зуля не ахти как, а точнее сказать – практически голая! Из непрозрачной одежды на ней имелся только широкий кожаный пояс, украшенный какими-то камнями, наверное, драгоценными. Еще с натяжкой я бы назвал одеждой браслеты на руках и на ногах, а вся остальная ее одежда представляла собой что-то вроде комбинезона, сшитого из обычного тюля. Мне эта ситуация не понравилась, очень не понравилась, сквозило в этом что-то насквозь лживое и наигранное! Так и стал бы Кашей (а я уже не сомневался, что это именно он) просто так показывать мне свою любимую ученицу в полуголом виде! Нутром чувствовалось, что сейчас эта Зуля предпримет попытку меня охмурить и провести

опыт по скрещиванию волшебников и шатунов, используя меня в качестве подопытного быка-производителя.

Я встал и подошел к Холеному. Он стоял ко мне спиной, смотрел через стекло и распинаясь что-то о самоотверженности ученых, а сам в левой руке незаметно крутил какой-то небольшой плоский предмет. Я вылил в слова все свое возмущение и сам удивился – насколько грубо прозвучал мой голос:

– Слушай, ты, Кашей! Вроде так тебя звать по-настоящему?

– Вон оно как, – повернулся Холеный, – мы, значит, уже так запросто и по-свойски?

– Так вот, что-то мне подсказывает, что ты тут все врешь!

– Как это? – праведному возмущению Кашея не было предела! – Я? Вру? Как это изволите понимать, молодой человек?

– А вот так! Туфту ты мне тут пытаешься втереть! А ну-ка, что у тебя в левой руке?

Я, поражаясь своей наглости, схватил его запястье и вывернул ему левую руку за спину.

– Ай, больно! – заорал Кашей. – Это табакерка, всего-навсего обычная безобидная табакерка!

Я вырвал у него из пальцев то, что он назвал табакеркой, и изображение за непробиваемым стеклом тут же исчезло – никакой лаборатории, никаких ученых и спорящей с ними Василисы! Просто большой пустой зал, посередине которого

стоял не то высокий обелиск, не то колонна неправильной формы. Я выкрутил руку Кашея посильнее.

– Так, говоришь, доблестные и самоотверженные ученые?

– Руку ломаешь! Ты неправильно понял! Это все не так!

– Так вот это тебе за доблестных ученых!

Не отпуская его руку, я со всего размаху врезал кулаком в холеную челюсть! По полу жемчугом рассыпались-раскатились вставные зубы.

– Да что же вы за люди такие! – уже шепеляво прохныкал Кашей. – Чуть что – и сразу в морду!

Я поднес к глазам табакерку, чтобы лучше ее рассмотреть, но подобная безалаберность оказалась ошибочной, так как в ту же секунду сзади на меня разъяренной кошкой набросилась Зулейка. Она прыгнула мне на спину, обхватила руками и ногами и длинными острыми ногтями впиалась в лицо, стараясь выцарапать глаза. Я даже не успел вспомнить о том, что драться с женщинами нехорошо, и на уровне мышечной памяти сделал бросок через плечо – недаром в детстве с друзьями во дворе отрабатывал приемы самбо! Зулейка рухнула плашмя на накрытый журнальный столик и раздавила его своим весом, во все стороны полетели осколки стекла, брызги вина и остатки десертов. Из порезов на лице, оставленных ногтями, у меня текла кровь, но глаза не пострадали, я наклонился и машинально подобрал с пола выпавшую во время броска табакерку. И тут произошло что-то совсем с моей точки зрения странное и удивительное: переложив таба-

керку в руку, которой вытирал кровь с лица, с удивлением увидел, что весь кабинет наполнился моими двойниками! И тут я понял принцип работы этого волшебного артефакта, названного Кашеем «простой табакеркой»!

– Так вот как ты, гад ползучий, мне кино про Василису показывал! При помощи ее крови? Я тебе сейчас за это всю твою поганую кровь по капле выщежу!

Пока я разбирался с табакеркой, Кашей успел встать на четвереньки и резво, по-собачьи добежать до стола и протянуть руку к какой-то кнопке. Я не стал дожидаться и ударил ногой по ребрам! И опять допустил промах, забыв про второго противника: Зулейка уже пришла в себя и снова бросилась на меня, вновь пытаясь выцарапать глаза. Наученный горьким опытом, я в этот раз оказался предусмотрительнее и успел вовремя перехватить ее руки с острыми когтями, из стали они у нее сделаны, что ли? А вот дальше драться с ней не смог, все-таки передо мной находилась женщина, хоть и разъяренная и почти обезумевшая, но все равно женщина! Зулейка, не сумев высвободить руки, рванулась вперед, пытаясь дотянуться до меня зубами, я уклонился, неловко за что-то зацепился, и мы рухнули на пол! В это время Кашей все-таки дополз до стола и нажал на тревожную кнопку, зазвучала сирена.

Да, подумал я, плохи дела, сюда вот-вот вломится охрана, и надо что-то делать! Решение пришло как-то само собой. Я перевалил Зулейку на пол лицом вниз, выкрутил ей руки за

спину и освободившейся рукой опять подобрал табакерку. Крови у меня на руках оказалось с избытком, поэтому провел пальцем по крышке, а дальше все произошло почти одновременно: вокруг опять появилось множество моих двойников, и в комнату ввалилась толпа мордоворотов из охраны Кащея. Я стал водить пальцем по крышке табакерки, мои двойники пришли в движение и напали на охранников, причем, кроме своих дублей, я заметил в толпе и копии Зулейки – наверное, на крышку табакерки попала ее кровь. Двойники Зули так же самоотверженно набрасывались на охранников и рвали их острыми когтями! В этой неразберихе оставалось только куда-нибудь спрятаться. Я уклонился от огромного кованого ботинка охранника, перекатился от падающего на меня клубка из трех Зулеек и одного мордоворота и оказался под письменным столом Кащея. Добавил на табакерку еще крови, благо ее хватало с избытком, и моих двойников прибыло. Ход драки резко переломился, охранники, невзирая на силу и выучку, явно стали проигрывать! В этот момент настоящая Зулейка нашла меня среди общей суматохи и бросилась, стараясь вырвать из рук волшебный джойстик, а вернее сказать, табакерку! Чтобы не проиграть, пришлось одной рукой управлять битвой, а другой взять шею Зулейки на удушающий захват. Какое-то время она еще царапала мне руку ногтями, но вскоре обмякла.

Шум стоял неимоверный, но то, что произошло дальше, заглушило звуки драки, как грохот литавр перекрывает тут-

ти симфонического оркестра! Одна из тяжелых дубовых дверей кабинета стремительно распахнулась, с невероятной силой ударилась в стену, где и рассыпалась в кучу мелких щепок! Все замерло. На пороге стояла Баба-яга. В правой руке она держала помело, а левой тащила за собой ступу. Войдя в комнату, Яга махнула метлой, словно действительно что-то выметала, и от этого движения все охранники, мои двойники и копии Зулейки моментально исчезли, словно их никогда и не было. Яга прошла дальше, а за ней следом вошла Василиса.

– Ой, Василисушка, глянь! А твой-то здесь, пока вокруг бой идет, под столом с девкой тискается!

Мне стало обидно: я в одиночку дрался со всеми, а она так все извернула!

– И вовсе не тискаюсь, это такой боевой захват.

– Ой, я умру, – захихикала Яга, – боец ты наш на букву... – тут она покосилась на Василису. – Ладно уж, не буду говорить, на какую букву! А Кашея-то ты, голубь, упустил!

И только тут я заметил, что Кашея в кабинете действительно нет. Наверное, он выскользнул, как только в кабинет ворвались охранники, или чуть позже. Василиса подошла к столу, бесцеремонно взяла все еще бесчувственную Зулейку за толстую косу и вытянула ее на середину комнаты. И только тут мне удалось разглядеть, что правая рука у моей милой наскоро перевязана платком. Я вылез из-под стола и подошел к ней вплотную:

– Василисушка, ты в порядке? Что у тебя с рукой?

– Нормально. А ты как?

– Тоже нормально.

Дальше поговорить нам не дала Яга:

– Потом поворкуете. Дай-ка я тебе, голубь, подлатаю. И ноги делать надо.

Яга достала из складок кофты флягу с какой-то жидкостью, налила ее себе в пригоршню и без предупреждения выплеснула мне на лицо – защипало ужасно!

– Фу! Так это же самогон! Вонючка-то какая! – воскликнул я.

– Сам ты самогон! Чистейшая живая вода!

– Потерпи, все раны заживут, – добавила Василиса.

Таковыми же быстрыми движениями Яга обработала мне и остальные раны.

– Все, линять надобно! А то таперь здесь такое начнется! Василиса взяла меня за руку.

– Да, пора уходить, полетели!

– Опять на ступе? Мы втроем не поместимся!

– Баба Вера полетит сама.

Я не стал сопротивляться и залез в ступу, Василиса запрыгнула следом, и так она это ловко проделала, словно каждый день тренировалась. Места в ступе осталось предостаточно, и почему мне поначалу казалось, что в ступе вдвоем тесно? Наверное, это зависит от того, с кем лететь? Не знаю как, но Василиса подняла ступу на воздух легко и без резких

толчков, и мы на огромной скорости заскользили вдоль коридоров, причем перед поворотами ступа притормаживала, плавно проходила дугу и опять разгонялась. Да, так летать – одно удовольствие! Яга летела в трех метрах за нами, сидя на помеле, и в точности повторяла наши маневры.

Через пару минут полетов по лабиринтам мы влетели в оранжерею и направились в сторону разбитого мной стекла, там какие-то рабочие уже установили леса и начали заделывать прореху. Под вопли кашеевских работников Василиса развернула ступу боком и протаранила строительные леса и частично восстановленную стеклянную крышу.

– А что, в другом месте нельзя стекло пробить? Там же люди! – закричал я.

– Крыша заговоренная. Чтобы пробить ее в другом месте, ох как сильно надо ударить! – весело откликнулась Василиса.

Так вот, значит, для чего я падал на крышу оранжереи с такой дикой скоростью, да уж, баба Вера могла бы меня и предупредить, что при посадке сильно потрянет! С севера появилась огромная туча, внутри которой хищно сверкали молнии, раскатов грома пока не долетало, но, судя по скорости ветра, гроза собиралась нагнать нас довольно быстро. Яга подлетела поближе и поравнялась со ступой.

– Кашей выслал погоню. Надо разделяться! Я полечу тудыть, а вы прямиком к избушке!

Василиса кивнула, и ступа резко увеличила скорость! Ве-

тер поначалу впился в лицо и засвистел в ушах, но тут же почему-то исчез и смолк, хотя ступа продолжала нестись с бешеной скоростью.

– Ты что-то сделала, чтобы ветер прекратился?

– Да, он теперь обтекает нас вокруг, и мы его не чувствуем.

Я обнял Василису, уткнулся лицом в ее волосы и замолчал. От того что она стояла рядом, мне стало так хорошо и спокойно, что ни о каких погонях, да и вообще ни о чем другом, и не думалось. Вот только одно меня тревожило:

– Что у тебя все-таки с рукой? Они тебя мучили?

– Да ничего, все в порядке.

Василиса сняла пропитанный кровью платок, игравший роль повязки, – рука у нее выглядела совершенно чистой, без царапин и ссадин. Тогда я посмотрел на свои руки и увидел, что следов от ужасных когтей Зулейки не осталось и в помине! Кожа смотрелась чистой и ровной, наверное, то же самое у меня произошло и с лицом, по крайней мере, на ощупь ран не ощущалось. Я заглянул Василисе в глаза: она лукаво улыбалась и слегка щурилась.

– Понятно, тебя баба Вера тоже подлечила. Но ведь что-то произошло, прежде чем она тебя выручила?

– Не хочу на эту тему говорить, особенно сейчас, когда мы с тобой рядом, время подлечит – тогда и расскажу.

Грозовая туча от нас отстала, или погоня была не связана с тучей, а шла отдельно, уточнять этого я не стал. Дворец

Кащяя уже превратился в небольшую точку, и тут внезапно ступа ударилась обо что-то невидимое, нас вжало в борт, а где-то под нами раздался противный железный скрежет.

– Да что же сегодня за день! – воскликнула Василиса. – Все разом с ума посходили! Ладно, сами напросились!

Не успел я ничего сказать, даже рта не открыл, как Василиса ловко выпрыгнула, словно у ступы был не полуметровый бортик, а маленькая оградка. Я попытался схватить Василису, удержать, да куда там, она, как заправский не то спецназовец, не то бейсджампер, без всякого парашюта и прочих премудростей неслась к земле, раскинув руки и ноги.

– Василиса! – только и смог прокричать ей вслед.

В это время опять раздался скрежет, ступу еще раз тряхнуло, и она снова начала двигаться в прежнем направлении, а откуда-то издалека я услышал голос Василисы:

– Обо мне не волнуйся, я вернусь сама. Лети к избушке и жди меня там, ступа сама донесет.

Я перегнулся через край, пытаюсь рассмотреть Василису, но заметил только белого лебедя, парящего над лесом. Скорость ступы опять возросла, и вскоре прекрасная птица исчезла из вида, а мне оставалось только гадать: летит ли это моя Василиса или просто белая лебедушка?

Глава 4

*Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, а от
тебя, волк, и подавно уйду!*

Русская народная сказка «Колобок»

Долететь до Заповедного леса без приключений все-таки не удалось, когда, по моим прикидкам, оставалось десять минут лета, в борт что-то мягко шмякнулось. Перегнувшись через край, я обомлел: к боковине ступы прилип сгусток яркого огня размером с арбуз – то ли шаровая молния, то ли плазмоид – вроде бы так называют подобные огненные образования? Детальными знаниями по данному вопросу я не обладал – вспомнилось только, что подобные аномалии могут взрываться и вызывать пожары, на этом весь мой кругозор заканчивался. Поначалу мне показалось, что плазмоид сдует ветром, но огненный арбуз и не думал отваливаться, мало того, он начал разгораться – запахло костерком, ступа начала обугливаться, а от самого шара в разные стороны потянулись языки пламени. Требовалось что-то срочно предпринять, но для того, чтобы совершить посадку, у меня не хватало умений, воды для тушения взять негде, брезента или чего-то подобного, чтобы накрыть огонь и перекрыть доступ воздуха, тоже нет! Да и попробуй-ка накрой ступу тканью, когда она несется со скоростью триста километров в час, а

то и больше! И тут внезапно вспомнился старый туристический способ, которым мы обычно тушили костры, когда покидали стоянку. Я понимал, что погасить шаровую молнию таким образом невозможно, но ничего другого не придумывалось, а этот способ хотя бы давал надежду продлить время полета, чтобы дотянуть до Заповедного леса.

Встав на край ступы, я поднялся во весь рост и стал поливать на сгусток огня, благо еще действовало заклинание Василисы, отводившее ветер. Сначала повалил густой пар, а потом плазмOID лопнул. Я как-то ожидал грохота, сопоставимого с взрывом снаряда, а получился довольно вялый хлопок, как от лопнувшего воздушного шарика, при этом сам сгусток не исчез, а только потерял огненную оболочку и стал прозрачным. Не прекращая поливать, стал присматриваться и вдруг с удивлением обнаружил, что внутри шара виднеется лицо какой-то старухи. Чем-то она напоминала великолепную Солоху – мать кузнеца Вакулы из старого фильма «Ночь перед Рождеством», только эта, из плазмOIDа, выглядела лет на двести постарше той, кинематографической. Пока я приглядывался, моя струя достигла лица старушенции, она завизжала, стала отплевываться, и шар, приклеившийся к ступе, уже окончательно лопнул. Только теперь гроыхнуло намного сильнее, ступу трянуло, и заклинание, отводившее ветер в сторону, развеялось. Мощная воздушная волна ударила по всему телу одновременно, я не удержался на краю и стал падать.

Каким-то чудом мне все-таки удалось уцепиться руками за край ступы, древесина оказалась обуглившейся и еще горячей, но я старался держаться изо всех сил. Страх не было, только понимание, что вместе со ступой еще можно надеяться худо-бедно приземлиться, а вот в одиночку предстоит падение с километровой высоты, что равносильно смерти. Ступа развернулась нижней частью вперед, напоминая накопчик стрелы, а мои ступни выполняли роль оперения, ноги трепыхались, как былиночки, а в голове почему-то крутилась одна мысль: только бы шнурки выдержали, а то если кроссовки потеряются – в чем я пойду через лес? Когда у меня руки занемели так, что пальцы окончательно потеряли чувствительность, ступа внезапно начала тормозить, а так как она опять летела в режиме автопилота, который большой плавностью хода не отличался, торможение произошло на удивление резко. Я как висел позади ступы, вытянувшись в струнку, так и влетел внутрь головой вперед, размазавшись по дну, в голове перед потерей сознания успела промелькнуть только одна мысль: дотянул.

Очнулся я от каких-то странных звуков, напоминающих не то чмокание, не то хлопание, аккуратно приоткрыл один глаз, осмотрелся и понял, что лежу на лавке в избушке Бабы-яги – значит, все-таки долетел до Заповедного леса! Настроение сразу улучшилось, так и захотелось подпрыгнуть и закричать: «Знай наших, меня голыми руками не возь-

мешь!», я бы так и сделал, если не эти странные звуки. Осторожно приоткрыв второй глаз, увидел на столе нечто напоминающее большую грязную несвежую буханку хлеба, которая потихоньку шевелилась! Мне показалось, что мыши, а еще хуже – крысы, забрались на стол и едят хлеб, уже потянулся за кочергой, чтобы кинуть, как вдруг хлюпанье прекратилось, и раздался хриплый, слегка трескучий голос:

– Да, да, Колобок! Тот самый. И сразу попрошу: без детских восторгов и пересказов глупой сказочки! И пялиться так не надо, а то у меня сейчас затылок задымится!

– Колобок? – оторопело повторил я.

– Я что, непонятно объяснил? Между прочим, культурные люди сначала здороваются, пожелают приятного аппетита и уж только потом начинают вопросы задавать. И куда этот мир катится?

– Здравсьте, – пролепетал я, уж слишком сильным оказалось мое удивление, – а вы, значит, там кушаете?

– А что еще делают культурные люди, сидя за столом?

– Приятного аппетита, – выдавил я из себя, – а почему же вы не на стуле, а прямо на столе сидите?

– А мозгов подумать совершенно нет? – так же не оборачиваясь нагло ответил мне грязный кусок хлеба. – На чем, по-вашему, может сидеть Колобок, чтобы дотянуться до стола?

– Ой, извините, не подумал, – ответил я и почувствовал себя почему-то чрезвычайно неловко, не готовился к такой

встрече, вот и наговорил всякой ерунды.

– То-то же, извините! Нет чтобы поблагодарить меня за то, что я его от самой Гнилой пустоши сюда тащил на своей горбушке, так он чудеса невоспитанности проявляет!

Это поставило меня совсем в тупик. Значит, все-таки не дотянул? Но спрашивать, где находится пустошь, постеснялся и только выдавил из себя:

– Спасибо.

– И это вся благодарность? Просто спасибо за спасенную жизнь? Эх, вот молодежь пошла!

Тут мой мозг стал потихоньку просыпаться, я чуть осмелел и вспомнил самое главное, вернее, мне тогда это показалось чрезвычайно важным:

– Постойте, так вас же лиса съела?

– Ха! Еще один легковерный нашелся! – захохотал Колобок, словно сухарем по стеклу поскребли. – Это мы специально утку пустили! Чтобы меня считали погибшим, – и, опережая мой вопрос, быстро добавил: – Так надо было! Для дела.

– Точно?

Колобка мой сомневающийся тон ничуть не смутил:

– Да покажите мне хоть одну дурную лису, которая станет есть черствый хлеб! Да тому, кто такую лису найдет, надо Нобелевскую премию дать!

– А кто вас за мной послал на Гнилую пустошь?

От этого вопроса Колобок почему-то подпрыгнул прямо

на столе и торопливо произнес:

– Ой, уже пятнадцать минут! Заболтался я вконец! Мне же срочно катиться надо!

Он спрыгнул со стола, словно баскетбольный мяч ударился об пол, отскочил, еще раз, другой, прыгнул на порожек и выкатился в открытую дверь. Я встал и выглянул во двор – Колобка уже и след простыл. Машинально глянул на часы: тридцать пять третьего, про какие пятнадцать минут он тут говорил, куда ему надо катиться? Вернулся в избушку, подошел к столу и увидел большое блюдо, на котором лежало несколько пельменей, а рядом записка, явно написанная рукой Бабы-яги: «Сашок, милай, как проснесси, ешь от пуза, это все тебе! Баба Вера. PS Колобку пельменей не давай: сожрет все, да и вредно ему мясо!» Ну-ну, теперь стало понятно и про пятнадцать минут, и про то, куда так срочно понадобилось бежать, ладно, я не в обиде. Сел за стол и прямо руками доел оставшиеся теплые пельмени, уж что-что, а готовить Яга умела просто бесподобно!

Хоть я и старался не подавать вида, но меня постоянно терзал один червячок: как там Василиса? Нет, понятно, что она ас, а я дилетант и помочь ей ничем не смогу, но волнения оставались, и унять их никак не удавалось. Чтобы чем-нибудь себя отвлечь, решил разобраться в карманах – у меня всегда почему-то в них скапливалось множество нужных и ненужных вещей, поэтому приходилось регулярно проводить ревизию содержимого. Первым в руки мне попался ко-

шелек, вот уж что мне не пригодилось в последнее время – ни разу им не воспользовался, дальше обнаружились ключи от квартиры, перочинный ножик и выпачканный в крови носовой платок. С ним я разберусь потом, когда доберусь до дома – стирка вручную меня никогда не вдохновляла, интересно, а как Яга стирает вещи, ведь электричества в Заповедном лесу и в помине нет? Следующими обнаружились ключи от работы, и мелькнула мысль: интересно, сколько же я дней прогулял без уважительной причины? Но заняться расчетами не получилось, так как в уравнении оставалась неизвестная величина – сколько суток я провалялся без сознания после падения. И тут вдруг рядом с разбитым сотовым телефоном обнаружился «дубликатор» – та самая табакерка, которую я отобрал у Кашея, значит, все-таки прихватил с собой этот боевой трофей!

Теперь у меня появилась возможность рассмотреть эту вещицу получше, она оказалась овальной, размером где-то пять на шесть сантиметров, плоской, толщиной в полсантиметра, края скруглены, поверхность гладкая, отполированная. Материалом для изготовления послужил какой-то полупрозрачный природный камень: что-то среднее между кварцем и ониксом. Внешне табакерка слегка походила на пудреницу или действительно на хранилище для табака, но никаких замков, защелок и скрытых кнопок обнаружить не удалось, мало того, камень оказался цельным, монолитным. Оставалось провести еще один эксперимент: я взял перочин-

ный нож, чуть проколол палец и прижал к табакерке. Моя капля крови попала на крышку, но ничего не произошло, перевернул табакерку, измазал кровью вторую сторону – опять ничего, выдавил побольше крови – безрезультатно. Наверное, все-таки Заповедный лес блокирует чуждый артефакт, ладно, потом об этом у Василисы спрошу.

Как только я вспомнил про Василису, опять меня начал грызть червячок – как она там? Больше оставаться в избе мне не хотелось, поэтому вышел на улицу. На полянке перед домом никого не наблюдалось, я выбрал самую протоптанную дорожку и пошел по ней. Тропинка шла прямо и никуда не сворачивала, но через пять минут я снова вышел к избушке. Странно. Выбрал другую тропинку – и получил тот же результат. Одно слово – лес волшебный, древняя магия, ладно, попробуем по-другому. Я вспомнил про сказки и решил действовать примерно так, как поступал Емеля: развернулся к лесу передом, а к избушке задом и произнес: «Тропинка, отведи меня к Яге». В этот раз дорожка показалась не такой прямой и ухоженной, хоть я и шагнул на уже пройденную стезю. А через пять шагов послышался характерный голос Бабы-яги, она опять пела, на этот раз что-то совсем архаически-залихватское в радостной мажорной тональности:

Я побрила его, кобеля, тяжелой гусарской саблей,
И теперь он скулит, как паршивый побитый щенок.

Тропинка вывела меня на залитую солнечным светом полянку, где на поваленном толстом дубовом бревне сидела Яга и ремонтировала ступу.

– Добрый день, бабушка Вера, вы не в курсе – что с Василисой, где она?

– О, Сашок, родной, проходи! С нашей Васяткой все полном ажуре – она кое-какие дела доделывает.

В голосе Яги сквозило нескрываемое обожание к моей скромной персоне, с чего бы это вдруг, удивился я, с каких это пор отношение ко мне так резко изменилось или все зависит от настроения? Первым делом я решил урегулировать вопрос с испорченным волшебным имуществом:

– Вы уж на меня не обижайтесь за испорченную ступу, я нечаянно ее подпалил, так уж получилось.

– Обижаться? Да что ты, милай! Да я таперь, наоборот, тебе на руках носить с утра до вечера стану!

– Это почему? – насторожился я. Как-то мне не очень хотелось, чтобы Яга меня носила на руках, а тем более с утра до вечера.

– Так я же таперь твоя вечная должница! Ты же мою стародавнюю врагиню Анфиску так уделал, что весь волшебный мир над ней ржет-потешается! Ей таперь лет сто, а то и боле в приличном обществе появляться нельзя – засмеют!

Меня такой оборот событий больше чем удивил:

– А кто такая Анфиска? Это та ведьма, что сидела внутри плазмоида?

– Какой плазмоид-шизоид, родной? Ты так ничо и не понял? Ах, ну да, ты же у нас еще даже не посвященный. Ну, ничо, ща все объясню! Анфиска-то, она предводитель Огневиков, клана Огня, в смысле. Увидала, что ты один летишь, и попыталась тебя через портал, как его сейчас кликают, к себе в пещеру затащить.

– Как? Ведь к ступе прилип огненный шар, и в нем бушевало пламя?

– Да у них вся ворожба с огнем связана, не умеют они по-другому, по-людски, колдовать! Так вот, слухай дале, наколдowała она портал. Одна часть у ней в пещере, а вторую прилепила на ступу. И стала потихоньку этот портал расширять, чтобы тебе со ступой к себе затащить. А дальше ты начал струячить! Ой, не могу! – Яга прямо-таки согнулась от хохота. – Твоя струя прошла через портал и Анфиске прямо в морду! – Яга опять зашлась в приступе смеха. – Извини, милоч, не могу, аж до колик рассмешил! У меня уж и живот от ржачки болит, и слез не хватает, шоб плакать со смеху!

– Да, неприятно старушенции пришлось, – только и смог констатировать я.

– Неприятно? Ой, не могу! – бабу Веру снова согнуло от смеха. – Да большего оскорбления этой Анфиске даже я за всю свою долгую жизнь придумать не смогла. Да что там я, все анналы волшебного мира до сих пор не знали такого!

Яга явно смаковала этот момент, наверное, она могла его пересказывать и пересказывать до бесконечности.

– А почему шар, вернее портал, лопнул?

– Так ты самого главного не знаешь! – в голосе Яги слышался просто щенячий восторг. – Для держателя портала надобно сохранять всю внимательность! Отвлекаться ни-ни, а то все схлопнется! А Анфиска, дура, стала отплевываться и отвлеклась.

– И произошел взрыв?

– Бери больше! Портал схлопнулся, да так, что всю харю Анфиске перекособочил! Так что она таперь не только навек опозоренная, но еще и с кривой мордой! А я просто ржу и не могу, как сейчас деточки говорят худосоченькие! Вот как узнала, так до сих пор ржу. А ступу-то я почию! Энто мне раз плюнуть!

Слушая Ягу, я наблюдал, как она рассказывала и одновременно продолжала ловко ремонтировать мой обгоревший летательный аппарат – брала в руку кусок дубовой ветки, сжимала так, что древесина превращалась в опилки (во силу), эту труху ссыпала в миску, подливала туда что-то из двадцатилитровой бутылки и перемешивала длинным черным ногтем. Судя по сильному запаху сивухи, в миску она подливала все ту же живую воду, которой лечила меня в замке Кашея. Затем она замазывала прожженные места и трещины получившейся кашицей, и я готов был поклясться, что нанесенная замазка почти моментально соединялась со ступой, превращаясь в настоящую древесину.

– И что же теперь, у нас начнется война с кланом Огня?

– Окстись, паря! Руки у них короткие, чтобы до нас добраться. А вот личного врага на всю оставшуюся жизнь ты себе нажил – это точно. Так что ты таперь с огнем уж поаккуратней. Не ровен час, что у табе все начнет вспыхивать в самый неподходящий момент.

– А зачем Анфиска хотела меня к себе затащить?

– Неужто не понял? – в голосе бабы Веры появились глумливые нотки. – Шоб ты ей заделал потомство! Она же к табе в самых лучших эротических чуйствах, а ты ей вон чего! Ой, я не могу!

Яга опять схватилась за живот и начала смеяться, а когда она чуть успокоилась, я серьезно спросил:

– Бабушка Вера, а правда, что у меня, как у шатуна, столь хорошая наследственность, что от меня станут рождаться только гении?

Яга внезапно посерьезнела.

– Ходят такие слухи. Но токма никто не знает, правда энто или нет. Вроде бы и вранье, но уж больно много вокруг возни! И вот еще что, ты у Васьки про свою наследственность не выпрашивай. Не обижай ее даже намеками об энтом! Я уж табе по секрету скажу: Васенька всю жизнь о должности Яги мечтала. Как только срок подошел, с радостью пришла принимать пост. А вот поди ж ты, тебя увидела и как есть влюбилась! Уж не знаю, чем ты ей глянулся. Пришла сама не своя. Говорит, что такого она всю жизнь ждала! А у меня в избушке встретила. И за-ради энтой любви она отказалась

от мечты всей своей жизни. Так что цени. Да, и про этот наш разговор – ей тоже ни-ни!

Я вернулся в избушку один, а Яга осталась заканчивать ремонт ступы. На столе меня ждал обед как раз из тех блюд, которыми Яга с Василисой потчевали меня в первый раз: печеный бык, толченый чеснок, соль и хлебный квас. Не знаю, как это Яга умудрялась одновременно ремонтировать ступу и готовить обед, но я по этому поводу тогда не особо и задумывался – ее знания, ее мастерство. Главное, что обед вновь оказался сказочно вкусным, меня рапирало приподнятое, радостное настроение, а самое главное, я здесь почувствовал себя дома. Это такое непередаваемое чувство: ощущать себя дома! После обеда я прилег на лавку, стоящую рядом с печкой, и сам не заметил, как задремал.

Когда я проснулся, то сразу почувствовал, что жена находится рядом. Открыл глаза и увидел, что солнце уже клонится к закату, и от этого все в избушке казалось окрашенным в красно-багровые тона. Василиса сидела на лавке рядом и нежно смотрела на меня, от одного этого взгляда стало настолько хорошо, что меня всего переполнила нахлынувшая нежность, но я почему-то застеснялся своих чувств и попробовал пошутить:

– Ты нарушаешь традиции: обычно я просыпаюсь, а тебя уже нет.

– Это если мы спать вместе ложимся. А когда ты отправ-

ляешься на боковую без меня, то просыпаешься рядом со мной, как в нашу первую ночь.

– Ты хоть Расскажи, как ты? Куда ты из ступы на ходу вышла?

– Я – замечательно. Выходила по делам, так скажем, разве это сейчас важно? Главное, что мы опять вместе.

Я во все глаза разглядывал Василису, вот так бы век смотрел и глаз не отводил, но вдруг мне почему-то вспомнился эпизод с огненным шаром:

– Слушай, а у меня тут такая забавная история случилась, ты не поверишь! – оживился я, собираясь рассказать про Анфискин портал.

– Я уже знаю, – рассмеялась Василиса, – мне баба Вера все уши прожужжала этим пересказом в лицах. Хулиган ты у меня, оказывается. Стоило мне отлучиться – обидел милую старушку, а перед этим выбил вставные зубки другому милую старичку.

Я потупил глаза:

– Ты, наверное, обижаешься, что я упустил Кашея?

Мои слова Василису удивили:

– С чего ты так решил? Я могу только спасибо сказать тебе и бабе Вере за то, что вы меня из его темницы вызволили. Сейчас вашу вылазку все магическое сообщество обсуждает. Гораздо больше, чем подмоченную Анфисину репутацию.

– Да я и не вызволял тебя. Это баба Вера все.

– Ты на себя отвлек Кашея, остановил его заклинание,

удерживавшее меня. Так что ты с бабой Верой в одной команде работал, одна бы она не справилась.

– Отвлечь Кашея оказалось просто – он не прочь почесать языком, а вот как я остановил его заклятие?

– Ты считаешь, что просто? Честно говоря, я удивляюсь, что ты живым из переделки вышел.

– Да этот Кашей – так себе волшебник.

– Не преуменьшай силу противника, он один из сильнейших в мире магов.

– Неужели? Да, кроме табакерки, я у него никаких волшебных вещей и не заметил, да и магией он не пользовался, а сразу вызвал охрану. Кстати, табакерка здесь почему-то перестала работать – мои дублиеры не появились, когда я помазал ее кровью.

Я достал из кармана мой боевой трофей и показал Василисе.

– Опасный эксперимент – мазать своей кровью незнакомый артефакт! Ты уж так, пожалуйста, больше не поступай! А не сработало волшебство здесь потому, что табакерки создают копии людей только рядом с главным хрустальным зеркалом, а чем дальше от него, тем их сила ослабевает.

– Какое зеркало ты имеешь в виду?

– Очень старый и легендарный артефакт, известный с глубокой древности. Когда-то давно Кашей его захватил и уже вокруг него свой дворец построил. Да ты видел это зеркало – в центре зала, за стеклом, стоит огромный столб из цельно-

го куска хрусталя, с одной стороны отполированный до зеркального блеска. Из осколков этого же гигантского кристалла сделаны и табакерки.

– А я-то подумал, что в зале стоял обелиск или колонна, значит, таких табакерок много?

– Никто не знает, сколько их изготовлено. Например, охранники, с которыми ты дрался, – тоже отражения, и управляли ими при помощи такой же табакерки.

– Как отражения? Они же ощущались вполне реальными?

– Вот такое замечательное зеркало: создает копии, которые почти невозможно отличить от оригинала. Кто-то из прислужников Кашея сидел спрятавшись и управлял охранниками через подобную табакерку, а баба Вера вошла и все отражения развеяла.

– И Кашей – тоже копия?

– Нет, он там присутствовал самолично. Не мог он пропустить такую возможность: покрасоваться и поучаствовать в фарсе. Его подвела самонадеянность, подумал, что ты просто человечешка, непосвященный и необученный, и настолько сильно уверовал в свое превосходство и безопасность, что даже не подстраховался! А тебе чрезвычайно повезло.

Меня такой поворот даже чуточку задел: я старался изо всех сил, рисковал, летел вверх тормашками на ступе, а оказывается, что все сводится к элементарному везению!

– И в чем же, по-твоему, мне подфартило?

– Во-первых, ты вывернул Кащейю руку, а боль практически у всех волшебников блокирует магические способности. Это знание еще иезуиты в Средние века использовали. Правда, есть и такие маги, которые могут творить заклинания, преодолевая боль, но такое чрезвычайно редко встречается.

– А как это определить – у кого блокирует, а у кого нет?

– Экспериментально. Потом, ты обратил внимание на его перстень?

– Да, знатный брильянт. Не знаю, сколько в нем карат, но даже невооруженным глазом видно, что чрезвычайно дорогой.

– Бесценный. Один из самых сильных артефактов этого мира. Стоит владельцу посмотреть на бриллиант, задумать желание, и перстень его тут же исполнит.

– Так почему же Кащей этим перстнем не воспользовался?

– Потому что руку с перстнем ты ему вывернул за спину, а для исполнения желания требуется визуальный контакт с артефактом. Это тебе во второй раз сказочно повезло!

– Предположим, а почему же он не воспользовался перстнем, когда я его отпустил?

– Тут тебе повезло в третий раз: когда ты ударил Кащея, то перстень соскочил и закатился под стол.

– А теперь Кащей свою драгоценность подобрал и начнет с ее помощью нам мстить?

– Нет, он настолько перепугался, что события пошли не

так, как планировалось, что струсил и убежал при первой же возможности.

– Телепортировался?

– Нет, элементарно выбежал за одну из дверей, он этот дворец специально строил как лабиринт. А перстень Кашея подобрала я, вот он.

Василиса достала из сарафана платок и аккуратно развернула. В лучах заката бриллиант сверкнул сотнями искорок всех оттенков красного, от этих волшебных всполохов у меня по коже аж мурашки побежали.

– Вот это да! И как ты его углядела среди битого стекла и прочего беспорядка? Теперь мы тоже сможем с его помощью делать всякие чудеса?

Я все еще находился под очарованием красных всполохов камня и не заметил, как почти машинально потянулся к перстню, но Василиса меня остановила:

– Осторожно! Если перстень попробует надеть кто-то другой, кроме хозяина, то моментально умрет! А делать с его помощью чудеса? Сможем, но только когда найдем обряд, позволяющий стать хозяином перстня.

– Уууу, – протянул я, – значит, пользы от него мало? Разве что теперь Кашей лишился своей силы.

– Я бы так не обольщалась. Он и без перстня ох как много чего может! А потом, это не последний его магический артефакт, он их за тысячелетия много накопил!

– Слушай, тут как-то между делом и ты, и баба Вера го-

ворили такую фразу: «Волшебный мир обсуждает». Получается что, маги где-то все вместе собираются для общения? Что-то типа клуба?

– Нет, общаются мысленно между собой при помощи телепатии. Только у нас это называется тихая речь.

Мы опять посмотрели друг другу в глаза. У меня еще оставалась масса вопросов, но почему-то больше говорить ни о каких Кашеях, Анфисках и прочей нечисти не хотелось.

Я проснулся еще до рассвета, мы лежали, плотно прижавшись друг к другу, в избушке Яги, только мне показалось, что лавка стала пошире – раньше я там один еле умещался, а сейчас двоим места хватало. Василиса, приподнявшись на локте, смотрела на меня и гладила мне лицо, обводя брови, лоб, нос, скулы, губы и подбородок, шевелиться не хотелось ни капельки – так бы и лежал целую вечность, но оказалось, что у моей суженой на этот счет другое мнение:

– Что, мой герой, ты готов к посвящению? На рассвете – самое лучшее время.

– Как юный пионер к борьбе за дело коммунистической партии, – пробормотал я спросонья, но Василиса почему-то моей шутке не обрадовалась:

– Я бы на твоём месте не стала бездумно повторять заклинания, если не понимаешь их внутренней сути.

– А это заклинание, оказывается? Ты шутишь?

– Совершенно серьезно. Пойдем, а то пропустим рассвет.

Я шел по тропинке следом за Василисой, стараясь ступать след в след, чтобы не намочить кроссовки, моя любимая почему-то отправилась босиком, и поэтому ей такая опасность не грозила.

Тропинка почти не петляла и сразу вывела нас к месту. Лес здесь заканчивался, и открывалась огромная поляна, за которой начиналось болото, а вдалеке виднелись горы.

– Все, пришли. Дальше начинается Гнилая пустошь.

– Так вот откуда меня тащил Колобок на своей горбушке? Это же совсем рядом!

– Не тащил, а транспортировал в лечебной колыбели.

– Как это?

– Потом объясню, не все сразу.

На поляне я увидел огромный валун, вросший в землю, из середины камня на уровне груди торчала медная трубка толщиной в палец, загнутая в спираль, со свободного ее конца капала прозрачная жидкость и по небольшому ручейку стекала в сторону болота. Я принялся: в воздухе стоял характерный запах сивухи!

– А это что за чудо природы? Самогонный аппарат?

Василиса рассмеялась.

– Не угадал, источник живой воды, одна из самых ценных реликвий нашего клана, наша гордость и одновременно проклятие. Источник и лечит, и пробуждает скрытые способности, только многие после посвящения подсаживаются на эту воду и попросту спиваются.

– И для посвящения в клан Заповедного леса ЭТО надо выпить? Да я вообще самогон терпеть не могу, а по-другому пройти посвящение нельзя?

– Нет. Да и не самогон это вовсе, разве что запах похожий.

– А если я подсяду и сопьюсь?

– Здесь и есть момент истины, тут-то я и узнаю, стоящего человека полюбила или никчемного алкоголика.

Я не мог понять: смеется она или говорит серьезно? Хоть мне и не хотелось глотать эту жидкость, но я взял себя в руки:

– Хорошо, а сколько выпить надо и из чего пить – мы ни стакана, ни кружки с собой не захватили.

– Пить придется прямо из трубки – это часть обряда. А сколько выпьешь – это уж как получится.

Последняя фраза меня успокоила – ведь можно сделать маленький символический глоточек, от которого не умрешь. Я еще немного помялся, примеряясь, как поудобнее подобраться к трубке, Василиса терпеливо ждала и мне не мешала. Широко расставив ноги и вывернув голову вбок, я припал ртом к позеленевшей меди и попробовал сделать маленький глоток. Но источник словно понял, что из него начали пить, и жидкость, до этого еле капавшая с конца змеевика, полилась мощным потоком. Мой рот словно прилип к трубке, поэтому пришлось экстренно и непроизвольно в огромных количествах глотать живую воду, чтобы не захлебнуться: короткий вдох, рот наполняется жидкостью, глоток, снова вдыхаю воздух, а рот опять полон, и надо глотать! Нельзя

сказать, что это оказался самогон – первый глоток немного обжег горло, но дальше неприятный привкус куда-то пропал, зато меня охватили совершенно другие чувства и эмоции.

Сначала показалось, что по всем моим кровеносным сосудам полилось тепло, я просто физически ощутил каждую вену и артерию, потом дошла очередь до мышц – они непроизвольно начали сжиматься и расслабляться. Со стороны это, наверное, выглядело смешно, но себя я не видел и реакции Василисы тоже не мог наблюдать, так как голова приросла к медной трубке и повернуть голову не представлялось возможным! Следующим дошел черед до опорно-двигательного аппарата (называть часть себя скелетом мне тогда почему-то никак не хотелось), и опять я почувствовал каждую косточку, каждый суставчик, даже ощутил старый неудачно сросшийся перелом ноги. Что-то мне говорило, что ощущаю я этот дефект в последний раз – теперь кости срослись ровно и без швов, почти как древесина на ступе, которую ремонтировала баба Вера. Я еще раз попытался скосить глаза на Василису, но не смог: рот у меня так и оставался приклеенным к змеевику, а жидкость продолжала и продолжала поступать. Следующим настал черед головного мозга, здесь ощущения просто захлестнули через край, во мне словно вспыхнул поток света, переполнивший все тело небывалой радостью. Сложно описать словами весь спектр эмоций, что меня переполнял, – ничего подобного раньше мне не доводилось испытывать за всю мою довольно долгую жизнь, да

и все новые ощущения наверняка относились к чувствам, недоступным непосвященным людям.

В какой-то момент, поняв, что рот отклеился от трубки змеевика, я дернулся вбок, попытался выровнять равновесие крыльями, но не удержался и уткнулся клювом в траву. Мысленно приказал сам себе: надо сосредоточиться, просто кое-кто напился в зюю, поэтому надо взять себя в руки, не дергаться и все делать медленно и аккуратно, а то уже и крылья, и клюв мерещатся! Сосредоточиться получилось не сразу, какое-то время мышцы импульсивно и хаотически дергались, но постепенно я стал брать ситуацию под контроль. Дальше удалось потихоньку открыть правый глаз и осмотреться. Меня поразили огромный угол обзора: теперь стало видно гораздо больше – даже то, что происходило за моим затылком. Подобную картинку можно увидеть через объектив «рыбий глаз», но рыбой я себя не ощущал, скорее уж каким-то беспомощным цыпленком, который только что вылупился из яйца. Сфокусировав взгляд поближе, увидел огромное раскрытое крыло, распластанное по траве, это вызвало странное подозрение. Чтобы убедиться, попробовал пошевелить рукой и увидел, как крыло дернулось, словно повинаясь моей мысли. У меня внутри все похолодело! Значит, мне не померещились крылья, когти и клюв, и это не последствия опьянения, а я действительно превратился в какую-то огромную птицу? Шок сковал все мышцы и начался ступор. Моим новым, почти круговым зрением я увидел, как Васи-

лиса подошла ко мне, села рядом со мной на траву и погладила меня по перьям на шее. И уж совсем странно и чудно слышался ее голос, словно пропущенный через прибор изменения речи:

– Орел ты мой легкокрылый. Я сразу знала, что в тебе спит эта большая благородная птица. Если ты меня понимаешь, то легонько кивни головой.

Я осторожно кивнул, и Василиса продолжила:

– А теперь мы с тобой попробуем осторожно перекинуться обратно в человека. Это очень важно. Потому, что если в первый день обратно в человеческое тело не вернуться, то можно на всю жизнь в звериной ипостаси остаться.

– А как? – хотел спросить я, но из моего горла раздался только какой-то клекот.

– Тихо. Тебе еще предстоит долго учиться: и как своим звериным телом пользоваться, и как разговаривать человеческим голосом в звериной ипостаси. А пока делай то, что я стану говорить. Для начала закрой глаза – так проще. А теперь представь свою руку, как будто ты хочешь ее медленно протянуть и коснуться моей ладони. Именно почувствуй руку: кисть, ладонь, пальцы, вспомни ощущения, как ты ей касался меня.

Я попробовал вспомнить нежную упругость и тепло руки Василисы, потянулся к ней и ощутил, как с травы поднялось крыло, а когда прикоснулся к Василисе, то перья вновь превратились в пальцы – потянулся к своей ладони и весь пере-

лез в человеческий облик.

– Любимая! – только и вырвалось из груди, остальные слова задушил накинувшийся кашель.

– Молчи, болтун, – Василиса улыбалась и гладила меня по голове, – у тебя все отлично получилось. Теперь просто поспи, а я буду твой сон охранять.

– А про то, что можно зверем остаться, – это правда? – все-таки спросил я.

– Правда. Слышал про Бурого Волка? Он вовремя не перекинулся и убежал в лес в зверином облике. А через месяц, когда пришел к избушке Яги, то обратить его в человека уже не удалось. Все, теперь хватит вопросов – попробуй уснуть.

Василиса пододвинулась к камню спиной, положила мою голову себе на колени, я закрыл глаза, и сон моментально окутал меня.

Глава 5

Проснулся я от того, что Василиса гладила меня по голове и приговаривала:

– Вставай, мой птенчик, больше суток спишь! Уж не собираешься ли ты повторить подвиг Ильи Муромца и проспять тридцать три года?

Но проснуться не получалось, словно что-то теплое и мягкое меня обволокло и продолжало убаюкивать, я напряг остатки воли, потянулся навстречу голосу Василисы и выплыл на поверхность из мягкого, липкого сна. Чтобы хоть как-то стряхнуть сонливость, пытавшуюся снова поглотить меня с головой, раскрыл рот:

– А что, Илья Муромец – не былинный персонаж, а реальный?

– Реальнее не бывает.

От сознания того, что Василиса рядом, я чувствовал себя настолько хорошо и уютно, что мне даже самую малость не хотелось шевелиться, чтобы не спугнуть столь радостное состояние.

– Знаешь, а мне такой странный сон приснился, будто я пил самогон, который вытекал по медной трубке из огромного камня, и после этого превратился в пьяного орла, который не мог даже подняться с земли – так и валялся, уткнувшись клювом в траву!

– Орел был не пьяный, а только что родившийся. Тебе в твоей звериной сущности предстоит многому учиться: ходить, летать, добывать пропитание.

– Как? Так это случилось со мной наяву?

Остатки сонливости улетучились без следа, я резко приподнялся и открыл глаза. Мы с Василисой лежали в избушке Яги на лавке, глянул на руки, но они выглядели совершенно нормально – без перьев, да и клюва на моем лице, если верить пальцам, тоже не ощущалось.

– Ох, ты меня напугала. Все-таки я человек, а не орел, ну и шуточки у тебя с утра.

– Я и не шучу. Ты человек, но теперь, после посвящения, можешь обращаться в орла и обратно в человека, это и называется «звериная ипостась».

– Значит, превращение со мной произошло наяву?

– Наконец-то дошло, что-то я не припомню подобного случая, чтобы живая вода делала кого-нибудь таким тормозом, ты первый, – рассмеялась Василиса.

– И теперь я стал волшебником, а почему ничего не чувствую?

– Слишком много говоришь, помолчи и прислушайся.

Я последовал совету и попробовал прислушаться: чувства у меня и в самом деле обострились, хоть я и находился в избушке, но ощущал шорохи и движения Заповедного леса, слышал, как капает живая вода из медного змеевика, как ходят звери и пересвистываются птицы. На меня обруши-

лась масса незнакомых ощущений, очень похожих на те, когда Яга в подъезде щелкнула пальцами, и я увидел множество ушей, торчащих из стен, только здесь никаких ушей не наблюдалось, зато чувствовалась мощь и сила Заповедного леса. Теперь я сам понимал, какое это светлое и чистое место, причем не увидел глазами, а именно ощутил каким-то совершенно новым для себя чувством.

– Я вижу, что первый урок ты усвоил: надо больше слушать и меньше говорить.

– Да, что-то совершенно новое, словно у меня еще один орган чувств появился!

– Так и есть. Теперь второе, скажи, как я с тобой разговариваю?

Ее вопрос немного огорошил меня, не зная, что она подразумевала, осторожно ответил:

– Нежно так, ласково.

– А теперь посмотри на меня внимательно и попробуй ответить еще раз.

Посмотрел на Василису и увидел, что она говорит, совершенно не открывая рта.

– Понятно, ты чревовещательница!

– А ты – тормоз, я вот не пойму: специально издеваешься или и вправду никак не проснешься? Закрой пальцами уши и слушай снова.

Безропотно выполнив просьбу, я с удивлением понял, что слышу то, что она не произносит вслух.

– Точно, твой голос у меня как бы внутри головы слышится! Это телепатия? Вспомнил, ты называла такое явление «тихая речь»!

Василиса опять рассмеялась – наверное, мое удивление со стороны выглядело потешно. Какой же у нее замечательный смех: веселый и жизнерадостный! Не успел я это подумать, как Василиса мне подмигнула, и опять я у себя в голове слышал ее голос:

– Только не явление, а способность. И ты можешь говорить молча, без звуков, не открывая рот: я все твои комплименты про мой дивный смех слышу, спасибо.

– Постой, это ты меня и раньше так слышала?

– Конечно, дурачок.

– И Яга так же все и всегда слышит?

От последней мысли у меня все внутри как-то похолодело, я судорожно начал вспоминать: что такого я мог подумать непотребного в присутствии бабы Веры? Кроме того случая в бане, мне что-то ничего не припомнилось, холодок потихоньку испарился, а Василиса продолжила лекцию:

– Когда ты мысленную речь обращаешь ко всем, то ее и слышат все. А когда говоришь кому-то одному, то и слышит ее только тот, кому она предназначена.

– Ладно, я теперь только так и стану говорить.

– Не переусердствуй, а то может начаться атрофия голосовых связок. Еще очень важно помнить, что существуют места, где тихая речь не слышна, поэтому знай, что иногда мож-

но звать и не дозваться.

– Понятно, это когда мобильник сообщает, что абонент вне зоны действия сети. И это все? Все мои новые способности?

– А ты что хотел, неужели мало?

– Например, неплохо бы научиться пускать из пальца большие языки пламени!

– Сюда, в избушку, запустить огромный столб огня? Так ты, оказывается, террорист! – Василиса со смехом бросилась на меня, в шутку пытаюсь придушить подушкой. – Насчет языков пламени – это надо тебе было к Анфиске обращаться, но ты же ее вместо этого замочил, не выходя из ступы, так что теперь обучать тебя магии огня она явно не станет.

Я отбивался как мог, вернее, насколько мне позволяло мое расслабленное состояние.

– Не обязательно пламя, а что-нибудь такое мощное, чтобы горы в щебень рассыпались, небеса сотрясались и тому подобное.

Борьба на подушках закончилась боевой ничьей, Василиса перестала смеяться и добавила уже серьезно:

– Пока это все, остальному надо много и кропотливо учиться. Новорожденные дети не могут сразу освоить технику прыжка с шестом, сначала надо научиться ходить. И на начальном этапе заниматься ты станешь не со мной.

– Это как в мультике «Вовка в Тридевятом царстве»? Пролет юных Василис?

– Вот о чем ты размышлял? Нет, здесь только одна Василиса, это скорее как в детском саду: у тебя будет подготовительная группа, а когда ты ее закончишь – попадешь ко мне, в первый класс. Ладно, пора вставать.

– Постой, а почему бабы Веры нигде не видно?

– Так она временно в баню жить переехала, чтобы нам не мешать.

– Вот уж не подумал, что мы ее выгнали. Могли бы и мы в бане поспать, неудобно как-то получилось.

– Заметь, не мы ее вытеснили, а она сама временно перешла в баню и сама предложила остаться ночевать в ее избушке, а это разные вещи.

– Да, душевная женщина, а что-то я ее пения не слышу? Неужели она даже музицировать перестала, чтобы нас не беспокоить?

– Как же, перестанет – не дождешься, вот, слушай!

Василиса взмахнула рукой, и появился звук, мы прислушались. На этот раз Яга исполняла какой-то душещипательный романс со странными словами. Хотя если честно сказать, то весь ее репертуар отличался большим своеобразием:

...Куда ж умчались вы, козлы, мои молодые годы?

Словами про козлов заканчивался куплет, а дальше, судя логике жанра, должен был начаться припев, но Василиса не дала мне дослушать – взмах рукой, и пение прекратилось.

– Подожди, еще один вопрос, а как получается, что мы вдвоем на узкой лавке умещаемся и не падаем?

– А вот так! – Василиса вроде бы ничего и не сделала, но лавка сузилась до обычных размеров, и я оказался на полу, волей-неволей пришлось вставать. – Пойдем, библиотекарь ждет – это волшебник из нашего клана. Вот с ним ты и начнешь свое обучение, считаешь книжки, кое-чему он тебя поучит.

Мы начали одеваться, я краем глаза любовался Василисой и продолжал размышлять – уж слишком много непонятного, а порой и таинственного, накопилось в моем новом положении. В частности, тревожила меня грядущая встреча с остальными волшебниками из клана: кто они, какие, как меня воспримут? Наверняка они крутые супермены, захотят ли они общаться с таким неумехой, как я, и какие у них вообще традиции по приему новобранцев? Если честно, то меня и раньше пугали встречи с новыми коллективами, будь то турпоход с незнакомой компанией или трудоустройство на новую работу, но там я встречался с равными: кто-то чуть сильнее меня, кто-то половчее, кто-то побольше знает и т. п. Другими словами, раньше мне доводилось вливаться в коллективы с людьми одного круга и примерно одинакового уровня, а сейчас, честно говоря, страшился я оказаться хуже всех: самым безграмотным и ничем не владеющим из волшебных навыков. Если эту ситуацию спроецировать на обычную жизнь, то лично я возмутился бы, если мне в

подчиненные навязали какую-нибудь дубину стоеросовую с тремя классами образования. А если развернуть с другого конца, то я бы переживал, если меня, технаря, пригласили, например, принять участие в хирургической операции, когда я даже названия инструментов не знаю, не говоря уже о тонкостях техпроцесса. Вот примерно такие сомнения меня и терзали, нет, я все так же стремился познать все новое и неизведанное, что свалилось на меня как снег на голову, но вот влиться в коллектив, занять в нем достойное место и не стать обузой – эта задача для меня казалась на данном этапе невыполнимой. Не в силах сдерживать внутри себя все тревобления, я все-таки спросил:

– Василисушка, а Расскажи, пожалуйста, как ты собираешься меня представлять всему клану? Здесь тоже существуют какие-то традиции и устои?

– Традиция-то существует, да вот только знакомиться особо не с кем. Много волшебников погибло в междоусобицах, из молодого поколения почти все подсели на живую воду и спились, кое-кто ушел из клана и отрекся от магических способностей. Остались баба Вера, я, библиотекарь, да еще пара отдельных личностей, вроде и состоящих в клане, но ничего особо не делающих, живущих сами по себе.

– Как это? – удивился я. – А кто же тогда у нас руководитель клана?

– Ты бы еще менеджером обозвал, надо же так сформулировать, у клана есть только предводитель, и сейчас эту долж-

ность формально исполняя я.

Это оказалось столь неожиданной новостью, что я чуть не сверзился с крыльца! Мы как раз выходили из избушки, шея у меня так вывернулась от удивления, что ноги промахнулись мимо лестницы! Хорошо, что успел схватиться за перила и смягчить падение.

– А почему формально? – только и смог пролепетать я, вставая с травы.

– Когда погиб последний предводитель, то никого не осталось из тех, кто смог бы взвалить на себя эту ношу, вот мне и пришлось впрягаться в лямку, хотя с детства не люблю командовать.

Я помог Василисе спуститься с крыльца и наконец решился задать вопрос, который меня мучил еще с нашего налета на клан Бессмертия:

– Я так понимаю, что у нас после визита к Кашею начнется война?

– Считай, что уже началась.

Меня эта фраза Василисы, сказанная спокойным голосом, почему-то не напугала, а наоборот, словно камень с души свалился – наконец-то хоть какая-то определенность!

– А какие у нас силы, кто наши союзники, какой план боевых действий?

– Силы наши – всего лишь две бабы: одна я, а вторая моя прабабушка. Союзников нет – каждый клан сам за себя, планов тоже нет – как нападут, так и станем отражать атаки.

– Мы одни с такими силами не выстоим. Надо искать союзников, заручаться поддержкой. У тебя есть сведения, что планируют наши враги?

– У нас есть Заповедный лес, в который врагам прорваться практически невозможно, хотя именно такие попытки Кащей последнее время и предпринимает. Насчет союзов – я и сама давно об этом подумывала, а теперь, видать, и вправду пришла пора от слов к делу переходить. Из того, что наши «закоренелые друзья» планируют, – сложно сказать. От Бессмертников дней несколько нападений можно не ждать, Кащей любит все продумать и приготовится до мелочей. А вот обиженные Огневики могут начать действовать с бухты-барахты.

– Может, тогда ну ее, эту учебу? Займусь чем-нибудь по-серьезнее?

– Нет, надо идти к библиотекарю и начинать учиться. Это очень важно. И еще, предупреждаю совершенно серьезно: дома, на работе и у друзей не появляйся – везде тебя могут ждать засады, сотовый телефон не включай – запеленгуют. Да, и надень эти очки – они меняют внешность. Настоящего волшебника не обманут, а всякой шушере глаза отведут.

Она протянула мне с виду вполне обычные солнцезащитные очки, но что-то такое в них я почувствовал своими новыми волшебными «рецепторами».

– А может, мне пока не бриться и не стричься?

– Можно, но только до нашей следующей встречи, – Ва-

силиса улыбнулась и озорно погрозила мне пальчиком, – не люблю небритых мужчин. А теперь я покажу тебе одну из самых важных наших тайн – короткие волшебные дорожки. Из Заповедного леса можно выйти почти в любое место, где растут деревья или кустарники. Представляешь в голове нужную картинку и идешь по тропинке. Вот так: я хочу попасть на бульвар рядом с Библиотекой.

Василиса потянула меня за руку, мы сделали несколько шагов по тропинке и очутились уже в городе, среди чахлых деревьев. В нос резко ударил запах выхлопных газов, почти рядом с нами шли люди, ехали машины, но нашего появления никто не заметил.

– Ух ты, здорово как! – восхитился я.

– Аналогично можно попасть обратно в Заповедный лес – из любого парка, достаточно просто небольшой группы деревьев. Стоит только подумать и шагнуть.

– Да, это воистину ценное волшебство! Получается, я так и попал первый раз в Заповедный лес? Случайно шел через двор, заросший деревьями, и нечаянно шагнул на короткую волшебную тропинку?

– Да, именно так. На самом деле все сложнее, потом как-нибудь объясню. Вот вход в Библиотеку, Николай Леонидович тебя ждет. А я пойду, надо срочно заняться делами клана. Прощаться не будем – не люблю расставаний.

Василиса отпустила мою руку, сделала три шага и буквально растаяла в воздухе, только легкое золотистое сияние

напоминало, что она здесь только что прошла, но и оно быстро развеялось.

Библиотека оказалась обычной, районной, ютилась она во флигеле какой-то старой усадьбы, остальную часть которой занимали офисы, магазинчики и прочий джентльменский набор контор современных офисных центров. Стены здания выглядели обшарпанными, но входная дверь смотрелась солидно: старинная, тяжелая, с потертыми бронзовыми ручками. В фойе меня уже дожидался довольно крепкий седой мужчина, одетый в серый вытянутый свитер и старые коричневые брюки с пузырями на коленках. Зато на ногах у него красовались пижонские туфли из светло-коричневой крокодильей кожи. Настолько его новехонькая обувь не вязалась с остальной одеждой, что я еле сдержал улыбку. Он стоял, заложив руки за спину, и смешно покачивался, перекатываясь с пяток на носки и обратно, по моим представлениям, он ни в коей мере не подходил под определение «волшебник», но выбирать не приходилось.

– Николай Леонидович? Добрый день.

– Здравствуйте, Александр, извините, не знаю, как вас по батюшке?

– Просто Александр. Не люблю я этих усложнений.

– Ах да, молодость, спешка и категоричность, как это все знакомо. Нам сюда.

Он открыл дверь с надписью «Служебное помещение»

и пропустил меня вперед. Пройдя по обшарпанному коридору, заваленному вдоль стен стопками порванных книг, он подвел меня к огромному шкафу, надавил на боковую стенку, от чего та отодвинулась и открыла узкий проход к винтовой лестнице, ведущей вниз.

– Прошу! И, пожалуйста, аккуратнее! Ступеньки очень узкие и скользкие.

Я долго спускался и наконец вышел в огромный зал, мне даже показалось, что его размеры в несколько раз превышают саму усадьбу, а высота составляет метров пятнадцать, если не выше; все пространство зала почти до самого потолка занимали стеллажи с книгами, рукописями и свитками.

– Впечатляет?

– Да, слов нет! Целый стадион!

– Вот это и есть Библиотека клана Заповедного леса, а я здесь – скромный хранитель знаний. Уже читаю вопрос в ваших глазах: да, зал находится не в подвале, он на самом деле расположен в другом месте, а винтовая лестница – только один из порталов для входа. Что еще, Библиотека – охраняемое место, недоступное для чужаков, здесь можно остаться, отсидеться, переждать какое-то время, даже пожить, благо места хватает. А обедать мы с вами будем в столовой при библиотеке, не этой, а той, обычной, которая наверху.

– Николай Леонидович, у меня к вам масса вопросов! В первую очередь меня интересуют кланы: их особенности, состав, численность, вооружение, в смысле, магия и артефак-

ты.

Библиотекарь усмехнулся:

– Да, любезный, вы пришли по адресу. Здесь собраны практически все сведения о кланах, волшебниках, магии и артефактах. Все эти стеллажи, – он обвел рукой нескончаемые ряды книг, – посвящены исключительно этим вопросам. Вся история, все сведения.

– А мне что-нибудь покороче. Самое основное.

– Да, есть краткий справочник современного магического мира. Составлен мной лично, он занимает весь вот тот стеллаж.

Я посмотрел и аж поперхнулся – не то от возмущения, не то от досады.

– Да здесь тысячи томов!

– Если быть точным, то три тысячи восемьсот пятьдесят три тома!

– А что-нибудь совсем короткое, страниц на сто-двести?

Почему-то столь естественная просьба рассмешила библиотекаря:

– Эх, молодость: все бы покороче, побыстрее да «галопом по Европам». Нет и не может быть такого справочника! Магия – это не та наука, где надобна краткость, тут уместны только кропотливость, усердие и долгие годы труда. Существует веками отточенная методика обучения волшебников, и не нам с вами ее нарушать.

И это он говорил мне, начальнику аналитического отдела,

да я и большие горы макулатуры умел превращать в выжимку из десяти страниц, но вслух высказывать свое отношение к замшелым методикам не стал – не хотелось тратить время на пустые споры.

– Ладно, а может, мы вместе сядем, я стану задавать вам вопросы, а вы отвечать на них? Так, следуя определенным методикам анализа, уже научным, а не магическим, мы сможем быстро разложить по полочкам всю основную информацию.

– Опять, «быстро», как же я не люблю это слово. Для начала давайте-ка, Александр, я вас формально трудоустрою в районную библиотеку, у вас трудовая книжка с собой?

– Нет, на старой работе осталась.

– Вот, тогда давайте с этого и начнем. Принесите мне трудовую книжку, я вас официально оформлю библиотекарем, а уж потом начнем не спеша изучать волшебную науку.

А почему бы и не сходить, подумал я, может, что-то по ходу дела и придумаю – как заставить его правильно работать, а то ситуация уж больно патовая: если он начнет так же медленно и занудно читать лекции, как и разговаривает, то никакой жизни не хватит на изучение хотя бы основ магии.

– Хорошо, когда я вернусь, то позову тихой речью, – сказал я, не открывая рта.

– О, да вас Василиса уже кое-чему научила! Да, конечно. Я здесь круглосуточно, приходите, – так же ответил он тихой речью.

Сначала я хотел поехать на метро, но потом мне в голову пришла идея – проверить новые навыки, для этого сошел с асфальта на траву бульвара и пошел между деревьями, представляя себе Заповедный лес – он не заставил себя долго ждать, ответив свежим запахом тысячи растений. Не оставиваясь, загадал: расщепленное дерево в лесопосадке рядом с железной дорогой, я хорошо знал это место, так как часто сюда уходил из офиса, когда мне требовалось в тишине подумать над какой-нибудь проблемой. Тропинка Заповедного леса свернула за куст, слева раздался стук колес проходящего товарняка, передо мной открылось расщепленное дерево, и я улыбнулся ему как старому знакомому. Но в этот раз мое место для размышлений оказалось занято: трое пенсионеров пристроились и распивали бутылку водки, увидев меня, разливающий удивился:

– А ты откуда взялся? Ну у тебя, паря, и нюх! Только учти, больше пятидесяти граммов не нальем. Мы и на один пузырь еле наскребли.

Я улыбнулся – живут же люди: никаких проблем, никакого волшебства, никакой вражды кланов, купили одну бутылку на троих – и уже счастье!

– Отцы, не волнуйтесь, я на ваши пятьдесят граммов не претендую – мне на работу.

Пенсионеры радостно закивали головами, а я вышел из лесополосы и направился к проходным. Возле киосков ко

мне подбежал огромный пес грязно-коричневого цвета и стал весело вокруг меня прыгать.

– Ты откуда взялся, такой хороший? Вижу, как ты рад, что с тобой поделаешь, сейчас угощу!

Купил два беляша – в одной из палаток готовили хорошую выпечку, мы и раньше здесь их часто покупали, один беляш съел сам, а второй скормил моему новому другу и уже в прекрасном настроении пошел увольняться.

Войдя в закуток нашего аналитического отдела, я снял очки, изменяющие внешность, и тут же столкнулся с мамой Ирой – моей коллегой, подчиненной и доброй приятельницей в одном лице. Вообще-то ее звали Ирина Николаевна, и ей недавно исполнилось пятьдесят три года, но настолько она умела всех окружать материнской заботой, что, кроме как мама Ира, ее давно уже никто и не называл.

– Ой, Саша, что с тобой? Ты так изменился, словно крылья расправил!

Я хмыкнул: видела бы она, как кое-кто распластывал крылья, валяясь на траве, но ничего рассказывать про новые способности и умения в мои планы не входило.

– Ирина, я тебя тоже очень рад видеть, даже не представляешь как!

– Я тебе весь телефон оборвала – обзвонилась. Что с тобой случилось? Ты три дня не появлялся на работе, и никаких известий, я так волновалась.

– Вот мой телефон, – я выложил из кармана обломки моего сотового.

– Ты что, новую работу нашел? Будешь увольняться? Эс-Эс тут рвет и мечет!

Так мы за глаза называли нашего нового генерального директора, хоть по паспорту он и значился Сергей Сергеевич, но Эс-Эс ему подходило гораздо больше из-за мерзкой привычки унижать и оскорблять подчиненных!

– Да, Ирина, увольняюсь. Не знаю, можно ли назвать работой занятие, которое я себе нашел, но мне оно чрезвычайно интересно.

– Жалко. Мне так хорошо с тобой работалось!

Я сел за стол, взял листок бумаги и решительно написал заявление об уходе, мама Ира смотрела на меня с трепетом и повторяла:

– Нет, ты все-таки изменился. Просто радикально! Я в шоке!

В кабинете Эс-Эс сидел один и, как обычно, занимался любимым делом – подсматривал через специальную программу, что делают сотрудники на своих компьютерах. Чтобы не рассусоливать, я с ходу положил листок на стол:

– Подпишите мне заявление, я увольняюсь.

Лицо у Эс-Эс растянулось в одну из самых его мерзостных масок:

– Ах, он увольняется? А ты забыл, что здесь я решаю, что

кому делать. И если я скажу тебя уволить по статье за прогулы, то так и сделают. А если не скажу, то будешь сидеть и отрабатывать столько, сколько я того пожелаю!

Мне даже стало чудно: и как я мог терпеть этого подонка целых два месяца?

– У меня нет времени выслушивать эту чушь. Подписывайте, и разойдемся по-хорошему.

– Смотрите-ка, как он осмелел. Другую работу нашел? Тебе лишнюю десятку посулили, и ты, как собачонка, на задних лапках побежал. Думаешь, что ты сможешь там работать? Нет! Ты нигде не сможешь работать! Это только я тебя, дурака, здесь держу по доброте душевной. Ты сейчас уйдешь, а через две недели опять приползешь ко мне. И станешь обратно проситься, как нашкодивший щенок. Но я тебе тогда уже такой высокой зарплаты, как у тебя сейчас, не дам.

Не могу сказать, что этот дешевый балаган сильно меня обидел или задел, стало просто жалко тратить время на такое ничтожество, поэтому я мысленно протянул руку и, пользуясь только своим воображением, сдавил ему горло. Никто меня такому фокусу не учил – как-то само собой, стихийно вышло, а еще ужасно захотелось напоследок высказать все, что я о нем думаю:

– Я вижу тебя насквозь, всю твою мелочную, гнилую душонку. Нравится издеваться над людьми? Не обольщайся – я тебе такого удовольствия не доставлю. Подписывай заявление, а если я узнаю, что ты здесь измываешься над кем-то

из моих друзей, то приду и поговорю с тобой по-мужски!

У Эс-Эс начало багроветь лицо и стал дергаться глаз, но я не отпустил невидимую руку, пока не договорил всю речь. Не знаю, что такое накатило, но меня прямо-таки физически тянуло поставить хама на место, наверное, слишком долго терпел его издевательства и унижения. Отпущенный Эс-эс шмякнулся в огромное директорское кресло и с ужасом уставился на меня, пришлось подать ему авторучку, чтобы он наконец-таки смог нарисовать размашистую закорючку, символизирующую его подпись. Смотреть, что с ним случилось дальше, я не стал, а отнес в бухгалтерию подписанное заявление и пошел собирать вещи. У меня всегда в столе валялось множество забавных безделушек и фигурок, а тут, посмотрев на свое бывшее богатство, решил ничего не брать, вместо этого прошелся по офису и раздарил все мои игрушки и вещицы. Маме Ире досталась большая жестяная коробка с настоящим индийским чаем.

– Ты точно совсем другой стал! Слушай, сейчас у меня все равно обед, пойдем, я тебя провожу, ты хоть в двух словах расскажешь – что с тобой произошло? Может, меня к себе заберешь на новую работу, а то меня Эс-Эс теперь точно со света сживет, а мне всего два года до пенсии осталось.

Когда мы выходили из проходной, к нам присоединился тот самый песик, с которым я успел подружиться, – он словно ждал меня, пришлось покупать беляшей – не оставлять

же такого друга без угощения! Мы сели на лавочку, стоящую в отдалении, стали есть сами и подкармливать веселого приятеля, мама Ира вся прямо-таки сгорала от нетерпения:

– Все-таки что с тобой произошло?

– Если в двух словах, то я женился. И у меня появилось занятие, которому я хочу посвятить все свободное время.

– Вот это замечательно! – оживилась мама Ира. – Я давно говорила, что тебе надо жениться, а ты все отшучивался, что не можешь найти достойной! И какая она?

– Самая лучшая на всем белом свете. Красивая, умная, хозяйственная, добрая.

– А кем она работает?

Этот вопрос поставил меня в тупик: живя в городе, Василиса наверняка работала, но вот где и кем – я так и не удосужился спросить. Пока я размышлял, а что же мне ответить, то внезапно – не то боковым зрением, не то при помощи моих новых способностей – увидел, что сзади к нашей скамейке бежит невысокий плотный мужичонка, а в руке у него зажато что-то светящееся ослепительн-белым пламенем. Я и пошевелиться еще не успел, как пес, который только что так весело резвился рядом, бросился наперерез незнакомцу и вцепился зубами в его руку. Тут мой ступор прошел, я схватил маму Иру и повалил ее на землю перед лавкой, чтобы хоть как-то закрыться от нападавшего. В это время полыхнуло, грохнул взрыв, я поднял голову и увидел, как мужичонка, зажав правую руку, убегает к огненному portalу, а на траве

неподвижно лежит мой веселый приятель. Мы с Ириной одновременно подбежали к неподвижно лежащему псу, в нос ударил жуткий запах горелого мяса – один бок у него оказался обожженным полностью, почти до костей, но, несмотря на ужасную рану, он еще дышал. Ни секунды не задумываясь, я поднял раненого пса на руки и пошел к источнику с живой водой, на ходу сказав Ирине:

– Понес его спасать.

– Я с тобой, – моментально откликнулась мама Ира.

Пять шагов среди деревьев – и я вышел возле камня с медным змеевиком. Положив раненого пса на траву, стал в пригоршни набирать живую воду и поливать на обгоревший бок. Почти моментально чернота исчезла, начали нарастать мышцы и сухожилия, потом появилась кожа, а я все продолжал черпать и лить, а когда на молодой коже появилась шерсть, пес вздохнул и, к моему огромному изумлению, произнес человеческим голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.